

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ



Максим ШАХОВ

МЫ ТЕ
КОТОРЫХ НЕТ



Максим Анатольевич Шахов

Мы те, которых нет

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989133

Максим Шахов. Мы те, которых нет: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-61907-8

Аннотация

Горячо любимый в войсках генерал Проклов на поверку оказывается предателем и наркоторговцем. Об этом узнает капитан спецназа ГРУ Гончаренко и тем самым подписывает себе смертный приговор – на него начинается настоящая охота. Но опытному спецназовцу удастся перехитрить «охотников». Он убивает генерала и ударяется в бег. Через несколько лет на него выходит руководитель секретной государственной организации и предлагает послужить на благо Родины в качестве тайного агента. Гончаренко соглашается. Ему предстоит внедриться в террористическую организацию «Альянс действия», которая на протяжении нескольких лет занимается уничтожением высокопоставленных чиновников. Миссия бывшего спецназовца – выявление и ликвидация руководящей верхушки организации.

Максим Шахов

Мы те, которых нет

Нас списали. Смахнули, как докучливых тараканов со стола. Да, именно со стола, на котором разделявали жирного жареного барашка.

Кто-то принял решение, и мы фактически были уже мертвы. Мы пока еще привычно топтали берцами пыльные горные дороги, возвращались из поиска, пили кумыс и ели жирный узбекский плов на выжженных немилосердным солнцем узких восточных улочках. Но будущее для нас было закрыто. В этом самом будущем нас было не предусмотрено.

Во всяком случае, так казалось тем, кому мы мешали и по мнению которых мы не имели права на жизнь.

– Подъем, перекур закончен. Вперед! – резко приказал я.

И посланная на заклание группа военной разведки перешла на ритмичный бег. До места засады, где нас должны были уничтожить, еще далеко.

Мы вдыхали чистый горный воздух, слушали журчание стремительных горных речек, нас окружал скупой коричнево-серый инопланетный пейзаж. Не раз хоженные дороги. Чужая враждебная страна, где приходилось выполнять деликатные поручения. Отныне поручения придется выполнять другим.

Нельзя терять времени – у нас его мало. Главное – выбрать

режим движения. Попасть в ритм. Не сбиться. Мы должны преодолеть расстояние раньше назначенного.

Цепочку возглавляет Гром – наш сапер, признанный мастер своего дела. Ему этот бег нипочем. Ни солнце, ни расстояния его не страшат. Низкорослый, поджарый, как охотничий пес, жесткий, выносливый. Он задает темп.

На некотором расстоянии за ним следую я – командир группы. Дальше пылит громадный Мамонт с пулеметом на плече. Потом долговязый Шатун, гений-следопыт. Замыкает цепочку невысокий, совершенно безобидный на вид колобок с короткими ногами и избыточным весом – это снайпер Роб. Кажется странным, что он попал в нашу компанию диких собак. Но это впечатление обманчивое. Мы все – слаженная ГСН (группа спецназначения). Лучшая на южных рубежах. Облеченная самым высоким доверием. Облеченная и обреченная.

– Подтянись! Не сбавлять темп! – прикрикиваю я.

И мы идем вперед. Через стелющийся по распадку туман, скользя подошвами на влажных камнях. Метнулась меж колючек юркая ящерка, возник в тумане силуэт горного барана архара с закрученными огромными рогами.

Мы опять на вражеской территории, где правят шариат и война. Откуда идут караваны с наркотиками и куда идут караваны с оружием. Нарыв на теле земли – вечно зудящий и не поддающийся никакому лечению.

Сегодня у нас дембельский аккорд. Придется напрячься.

А начался этот флирт со смертью три дня назад.

Я в этих краях третий год. Хожу за линию, разделяющую бывшую республику СССР с вражеской территорией. Стреляю. Отрываюсь от преследования и преследую сам. Знаю теперь эти края как родную Псковскую губернию. Сроднился с местным населением, и у меня здесь появились не только кровные враги, но и кровные должники. С одним из них я и встретился на пустыре в пригороде Джамаса три дня назад.

– Мир дому твоему, почтенный командир, – склонился в поклоне Рахимбой – по виду совсем мальчишка, тонкий, изящный, безусый, в джинсах, рубашке навыпуск, черных очках. Говорил по-русски без акцента.

– И тебе, – кивнул я. – Хотя у меня нет дома.

– Он будет. У воина должен быть дом. Воину нужно что-то защищать.

– Не спорю...

– Я не смог защитить свой дом, – вздохнул Рахимбой.

– Не вини себя.

– Ты защитил мой дом, – торжественно добавил он.

Это было так. Во время очередной вылазки в горный район, не контролируемый никем – ни правительством, ни местными бандами, мы встряли в одну из местных клановых разборок. Наткнулись на аул, где душманы собирались казнить своего кровника Рахимбоя вместе с семьей, включая и маленьких детей... Мы зачистили гадов.

– Я твой... Кровный... Должник, – разбитыми губами

прошептал Рахимбой, когда мы нейтрализовали бандитов.

– Сочтемся. Может быть. А может, поубиваем друг друга на тропе войны.

– Я нет. Я должен...

Через некоторое время я узнал, что Рахимбой ищет встречи с русским шайтаном, спасшим его семью. Так я приобрел весьма осведомленного информатора. Правда, по большей части информацию он скидывал по каким-то мутным делам, когда ему это было выгодно. Но и мы не жаловались. Благодаря Рахимбою взяли груз героина, прихлопнули эмиссара из Саудовской Аравии.

То, что у меня такой информатор, знала только наша группа. Обстановка стала какая-то мутная. Накопилось много вопросов – очень неприятных, в том числе к вышестоящему начальству. И хороший информатор – это туз в рукаве.

Вот и сыграл свою роль этот туз, оказавшийся козырным.

– Сергей, тебя решили казнить, – произнес тогда Рахимбой.

– Кто? – изумился я. – Никак Курбонали? Или Нурмат?

– Тебя решили казнить твои. Завтра вы выдвигаетесь на задание. И попадаете в засаду. Вас убьют.

– Зачем?

– Слишком много от вас неудобств. Слишком много знаете.

– Про наркотрафик?

– Про порошок. Да.

Рахимбой описал точно, где за «ниткой» (за границей Республики) будут ждать мою группу.

– Одного не пойму, – сказал я. – Почему я там должен оказаться?

– Не знаю. Но окажешься.

– Кто будет нас убивать?

– Горный Лев и Ахал. Я слышал разговор, – впервые Рахимбой выдал информацию на своих соплеменников. – Все. Больше ничего не знаю... Не жалею их. Я их не жалею. Они собаки.

На следующий день меня вызвали в штаб и отдали боевой приказ, на вид обычный – встретить связника, перевести через границу, обеспечить безопасность. Маршрут следования и место встречи полностью совпадали с теми, что сообщил Рахимбой.

– Потом отпуск, – благодушно сказал полковник Бульбаш из разведки, наш прямой командир. – Отдохнешь.

И что-то гнусное плеснулось в его глазах.

В тот момент в моей груди образовалась черная дыра, которая стремительно стала поглощать мою старую жизнь, мои надежды, мое будущее. Это был конец.

– Мужики, нас списали, – собрав в укромном месте бойцов и объяснив ситуацию, объявил я. – Что делать будем?

– Они списывать только и умеют... – кровожадно ощерился Роб, утратив всякое сходство со сказочным колобком.

– Будем драться? – спросил я и, дождавшись утвердитель-

ных кивков, продолжил: — У нас осталось несколько часов. За это время надо кинуть весточку, чтобы эвакуировать семьи.

И вот теперь мы идем, выбивая пыль из дорог. В максимальном темпе. Чуть-чуть меняя маршрут.

Когда приблизились к намеченной мной точке, были уже на пределе сил. Но любой предел далеко не предел. Главное, какой у тебя мотив, чтобы переступить через невозможное.

Я остановился, глядя на уходящую вверх горную гряду.

— Ну что, братцы, последний бросок.

Вот тут нам пригодились и запас времени, который мы отыграли напряжением всех сил, и альпинистское снаряжение, приобретенное год назад за свои деньги.

Горную подготовку прошли все. А Гром вообще был прирожденный альпинист, вырос в Кабардино-Балкарии, с детства ходил по горам, как по паркету. Он прокладывал путь.

Лезем вверх. Стена почти отвесная. Сбиваем пальцы, колени. Вбиваем крюки. Вот посыпалась из-под рифленой подошвы ботинка каменная крошка, и подо мной разверзлась пропасть. Страховка помогла не сорваться. Вверх, вперед.

Мы преодолели скальную стену, прошли по гребню. Я знал эти места. И басмачи знали их и считали, что этим путем никто не пойдет. Это невозможно.

Невозможно, если бы с нами не было Грома. Но он был с нами...

Гребень. Горный ручей. Еще одна скала.

Хочется лечь и сдохнуть. Но подышать нельзя. Хотя бы потому, что кто-то очень хочет этого.

И вот мы перевалили через гребень и выбрались на уходящий вниз террасами каменистый склон, поросший жестким кустарником, низкими деревцами и желтой жесткой травой. Мы на месте!

Несколько минут лежали, боясь дышать. Высматривали разведчиков, которых басмачи могли прислать заранее. И не высмотрели никого. Можно работать.

– Обустройстваемся, – приказал я, уже просчитав сектора обстрела и выбрав складки местности и укрытия.

Не прошло и четверти часа, как группа растворилась на склонах, исчезла, будто и не было ее. За годы войны мы усвоили простую истину – побеждает тот, кто лучше маскирует-ся и у кого больше терпения. Маскироваться мы научились. И терпения нам не занимать.

С нашей позиции до места засады было рукой подать. И ждать нам оставалось часа три-четыре...

Время тянулось, как резиновое. По узкой извилистой дороге, петлявшей по низине ущелья, проследовало два человека на ослах и трое – пешком. Проехала грузовая «Тойота» с блеющими баранами в кузове. И, наконец, послышался звук мотора. Показался зеленый дребезжащий грузовик неизвестной модели.

Из кузова и кабины посыпались басмачи. Человек пятнадцать начали рассредоточиваться на склонах. Перестраховы-

ваются гады – с такой позиции гораздо меньшим числом за минуту можно уложить нас всех.

Осторожно выглядывая из укрытия, я обводил безбликовым биноклем бандитов. Вот и Горный Лев. В роскошном халате на голое тело, на голове чалма. Настоящий воин ислама. Вооружен – автомат Калашникова. На боку автоматический пистолет Стечкина – любимая двадцатизарядная игрушка полевых командиров.

Надо отметить, басмачи выбрали позиции и замаскировались, используя кусты и камни, умело. На входе в ущелье поставили наблюдателя. И стали ждать.

Вот Горный Лев вылез из укрытия и отправился проверять позиции.

– Пора, – шепнул я Робу, лежащему рядом. – В командира пара пуль, чтобы обездвижить. Живым нужен. Остальных валим.

Цели и сектора обстрела расписаны заранее. Два тоновых сигнала по рации. Работаем!

Винторез хлопнул два раза почти без паузы. Горный Лев рухнул, держась за ногу.

И тут же мы со всех стволов врезали по душманам. Шансов у них не было никаких.

* * *

– Ты знаешь, что такое допрос первой степени?

– Вы с дубу рухнули, военные? – Лежащий на бетонном полу, с перетянутыми скотчем руками и ногами, полковник Бульбаш держался стойко.

Я знал, что каждый день он таскается на улицу Низами к своей любовнице – местной учительнице. На подходе мы его и взяли, запихали в кузов старенького фургончика, который Гром реквизировал у своего должника. И отвезли в давно присмотренный на такой случай подвал полуразрушенного корпуса станкостроительного завода на окраине Джамаса.

– Под трибунал захотели?! – зарычал Бульбаш.

– А что трибунал? Расстрела сейчас нет. К расстрелу ты нас приговорил, – пнул я его носком ботинка.

– Вот что, господа офицеры, – голос полковника дрогнул, но потом вернулась былая уверенность. – Вы что-то попутали. Обещаю ничего не предпринимать против вас. Я поднимаюсь и ухожу. И мы забываем о недоразумении.

– Недоразумение?.. Горный Лев тебе привет передавал.

– Какой Горный Лев?!

– Как офицер разведки ты должен знать, что Горный Лев, он же Сайлигул Далил, один из самых опасных полевых командиров. Интерпол его ищет.

– Какой Интерпол? Какой привет?!

– Значит, не понимаешь. Ну ладно.

Нас хорошо учили интенсивной методике допроса, когда из захваченного языка нужно за минуту выбить важные сведения. Полковник тоже знал, что это такое. Поэтому, когда

мы принялись за него всерьез, раскололся быстро.

Вытирая газетой кровь с рук, я прикинул сложившуюся схему событий. Все примерно так, как я и подозревал.

Где-то год я стал ощущать непорядок. В нашей конторе потянуло мерзким запахом предательства. Получалось, что основная масса афганского героина, который здесь дешевле стирального порошка, идет транзитом в СНГ с попустительства армейцев и пограничников. А мою группу используют втемную для зачистки от конкурентов.

Постепенно путем анализа агентурной информации и ситуации в целом мои предположения перерастали в уверенность.

Я довел свои умозаключения до офицера из нашей штабной группы майора Рубанова, которого считал своим. Кто меня за язык тянул?

Рубанов обещал поразмыслить над моими словами. И сдал нас. Потому что был в доле. Во всяком случае, так утверждал полковник Бульбаш.

К тому же мы инициативно провели ряд несанкционированных акций, хлопнули большую партию героина и свели под ноль целый караван басмачей. Мы нанесли этой мафиозной группировке слишком большой ущерб. От нас неизвестно чего ждать. Мы далеко зашли. И нас решили ликвидировать.

– Кто входил в вашу теплую компанию? – спросил я.

– Отпустите? – пытаюсь пошевелить сломанным пальцем,

прохныкал Бульбаш.

– Конечно, – кивнул я. – Ты только рассказывай. Не тяни.

Полковник стал выдавать имена и подвиги предателей. Военные с моей родной двести пятой военной базы, особисты, пограничники, представитель МВД России. Ниточки тянулись и к местному правительству, и в Москву.

Здесь верховодил старший по званию – генерал-майор Проклов, куратор двести пятой базы от Министерства обороны России. Жесткий, агрессивный вояка, лет под шестьдесят, с репутацией человека, способного на поступок, в этих местах был личностью легендарной, авторитетной и у военных, и у гражданских властей. Благодаря ему, когда он был еще заместителем командира двести пятой дивизии, предшественницы базы, в республике была предотвращена братоубийственная межклановая резня. В начале девяностых исламские фундаменталисты заваливали арыки трупами своих противников, и только русские военные, открывшие огонь без согласования с Москвой, по приказу Проклова, спасли республику. Я его считал мужчиной. А он оказался крысой.

– Генерал сегодня улетает в Москву, – прохрипел полковник Бульбаш. – И я должен ему доложить, что проблема с вами решена.

– Докладывай. – Я протянул полковнику изъятый у него телефон. – Смотри, не брякни чего лишнего.

Бульбаш отрапортовал по телефону:

– Все в порядке, товарищ генерал.

– Спасибо за службу, – хмыкнул генерал. – Я через полчаса убываю. Прилечу – обговорим. И рассчитаемся.

– Спасибо, товарищ генерал.

Отбой.

Полковник отбросил мобильник, тот упал на бетонный пол, но не разбился.

Я кивнул Грому. Тот с пониманием кивнул... Взмах десантным ножом. Лезвие рассекло артерию. Тело дернулось.

Одной крысой меньше.

А нам сегодня еще предстоит поработать...

К военному аэродрому, расположенному в двадцати километрах от города, вела пустынная дорога, пронизывающая немногочисленные пригородные поселки и петляющая среди скалистых гор. Мы выбрали отличное место – отрезок дороги за коротким туннелем. В свое время, просчитывая контртеррористические мероприятия, мы излазили всю трассу и знали все хитрые места.

Фургон спрятали поодаль, на съезде с дороги, рядом с журчащим ручьем. И затаились. Мы успели вовремя. По нашим расчетам генеральская машина должна была скоро появиться.

Проклова на аэродроме ждал военно-транспортный самолет «Ан-72», который унесет его в Москву. Завтра коллегия Министерства обороны, на которой планируется доклад ге-

нерала о положении дел на южных рубежах.

Передвигался Проклов обычно без охраны. По идее, за каждым углом его должны были ждать вооруженные до зубов душманы, однако за последние пять лет на него не было ни одного покушения. Мы считали это свидетельством особого авторитета генерала, которого уважают даже враги. Но причины оказались более прозаичными – душманы были для него коллегами по цеху.

Движение по дороге было слабенькое. Проехали топливозаправщик, пара военных машин и несколько мятых, древних «Москвичей» и «жигулят». Дорогих иномарок здесь нет. Этими краями безраздельно правила нищета.

– Объект на подходе, – произнес я в рацию, когда с моего пункта наблюдения засек машину.

Едва «БМВ», несущаяся по дороге, подставилась под наши выстрелы, я подал сигнал – работаем.

Негромко захлопал винторез. Пули пробили шины. Машина вильнула. Ударилась в лежащий у обочины двухметровый кусок скалы.

Сработали подушки безопасности. В салоне все остались живы.

Из покореженного «БМВ» вывалился адъютант с автоматом. Получил пулю в плечо. И успокоился.

Оглушенный водитель с трудом освободился от подушки. Вылез из салона. Не обращая внимания на распростершегося майора, вытащил потерявшего сознание генерала и уло-

жил на землю. Проклов открыл глаза и попытался приподняться. В руках он сжимал дипломат, который не выпустил, даже будучи в бессознательном состоянии.

Растерявшийся водитель обратил на нас внимание, когда мы уже слетели со склона. Распрямился во весь рост. Я саданул ему прикладом в лоб, сбил с ног...

Генерал попытался дотянуться до автомата, который выронил раненый адъютант. Но я пинком отбросил оружие в сторону и присел на колено рядом:

– Когда же ты скурвился, сука?

– Живой, Земляк, – прохрипел генерал, называя меня по моему позывному. – Все равно конец. Конец тебе.

– Ты предатель. Говорить будем?

– Ничего я тебе не скажу. Стреляй.

– Как скажешь.

Я нажал на спусковой крючок. На допросы времени не было.

Сбив прикладом замки, я открыл дипломат. Внутри – плотно упакованные пачки стодолларовых купюр. Очередной транш в Москву.

– Командировочные, – усмехнулся я.

– На мелкие расходы, – кивнул Роб. – Ну и выдра лампасная.

Послышался отдаленный звук двигателя тяжелого грузовика.

– Уходим, – приказал я, закрывая дипломат.

Заместитель генерального прокурора грузный шестидесятитрехлетний государственный советник юстиции второго класса Николай Семенов, с трудом переводя дыхание, вылез из представительского «Мерседеса» во дворе длинного солидного сталинского дома на Фрунзенской набережной. Все-таки избыток веса – это очень плохо. Сто сорок килограмм...

Семенов взял лежащий на заднем сиденье объемный целлофановый пакет с продуктами и коробку с хорошим французским коньяком. Сегодня он ожидал из Салехарда своего школьного друга, бурового мастера. Колоссальная разница в социальном положении вовсе не мешала многолетней дружбе. Семья прокурорского работника отдыхала на даче в ближнем Подмосковье, и встрече никто не помешает.

– Я отнесу, Николай Степанович, – вызвался шофер, перепрыгивая через лужу и подходя к шефу.

– Сашок, ты меня совсем за немощного держишь?

Вопреки расхожему представлению заместителя генпрокурора не охраняют матерые спецназовцы. Обычно эту задачу выполняет водитель, он же охранник, он же доверенное лицо. Но способен ли он уберечь хозяина от снайпера – ангела смерти?

Пуля проделала в черепе прокурорского чина аккуратную, ровную дырку. Даже странно, что такое несерьезное от-

верстие полностью несовместимо с жизнью.

Один хлопок – били из обычной винтовки. Водитель было кинулся к упавшему телу. Но, осознав, что происходит, отскочил в сторону, присел за машину, вытаскивая пистолет Макарова – совершенно бесполезный при таких раскладах.

Однако больше не стреляли. Водитель остался жив, потому что снайпер поленился лишний раз нажать на спусковой крючок...

Через несколько минут на месте происшествия человеческим водоворотом закрутились представители полиции, «Скорой помощи», фээсбэшники, замаячил «Форд» с надписью «Следственный комитет Российской Федерации». Все это воспринималось как следующий акт театральной драмы, постепенно переходящей в фарс. И тело на земле казалось реквизитом.

– Мы ведем репортаж... – бубнила корреспондент «НТВ».

– Наша камера установлена... – это уже обозреватель «РЕН-ТВ».

– По сообщениям наших источников... – заливалась соловьем представительница какой-то непонятной телекомпании.

Последующие дни, как свора голодных псов, получивших ведро лакомых костей, журналисты бесновались, строя самые разные предположения.

«Убийство связано с громкими делами по казино. Личность погибшего не фигурировала в расследовании, однако,

как утверждают сотрудники Генеральной прокуратуры, пожелавшие остаться неизвестными...»

«Не исключен личный мотив драмы. Свидетели утверждают, что личные отношения убитого не раз являлись предметом различных разбирательств».

Источники били фонтанами. Истина была утоплена в извергаемой мутной жиже.

Только «Экспресс-листовка» – несерьезная газетенка, славящаяся бесстыдной скандальностью, напечатала скромно на третьей полосе в своем стиле:

«Даже ребенку детсадовского возраста известно, что любовные похождения и обиженные уголовники не имеют к убийству высокопоставленного прокурорского чиновника никакого отношения. Ну а любому старшекласснику известно, что имел место удар новой террористической группировки. А особо продвинутые студенты вам скажут, что на крыше дома, откуда снайпер стрелял в Николая Семенова, найден логотип «Альянса действия» – ладонь с растопыренными пальцами и круглой дырой в центре. Ждем комментариев от так называемых компетентных органов, чья компетенция давно вызывает сомнения».

Как ни странно, правы были именно они.

Снайпер бил с крыши пятиэтажки. Австрийскую снайперскую малокалиберную винтовку «Voere», модель 1992, оставил на месте. На лифтовой будке вывел символ «Альянса действия» – недавно заявившей о себе террористической ор-

ганизации, о которой пока известно мало. Полтора месяца назад она взяла на себя ответственность за убийство журналиста праворадикальной газеты «Бизнесмен», выступившего с серией пасквильных статей о левом движении в России.

Тогда в подъезде, на месте расстрела журналиста, на стене фломастером, одним движением, с некоторым изяществом, была выведена рука с растопыренными пальцами и написано «Альянс действия». Вогнав человеку три пули, недрогнувшей рукой рисовать на стенах – для этого нужны железные нервы.

Убийство журналиста вызвало много шума. СМИ крайне болезненно воспринимают гибель своих коллег. Были версии, отчеты правоохранительных органов перед населением, громкие заверения. И на выходе – пустота. То же самое повторилось с убийством заместителя генерального прокурора. Представители власти били себя в грудь, заверяя, что такое преступление не может остаться безнаказанным.

Осталось.

Шумиха выдохлась. Подоспели другие, гораздо более важные события. Были назначены выборы в Государственную думу, которые вскоре затмили все ранее достигнутые успехи в грязных политехнологиях манипулирования общественным сознанием. В беспощадную информационную войну вливались огромные деньги, в том числе из-за рубежа. Власть использовала административный ресурс. Улицы Москвы стали ареной митинговых страстей.

«Долой власть мздоимцев!» – этот лозунг злым ветром полетел по российским просторам.

Из забытья вылезли давно уже, казалось, списанные политические фигуры, в речах которых сквозило: «Дайте нам власть, мы очень хотим власти. Вы поруководили и поворovali всласть, дайте и нам заняться тем же. Вам жалко, что ли? Ведь мы такие опасные и зубастые. Мы умеем кусаться и собирать толпы».

В условиях жесточайшего противостояния парламентские выборы все же были проведены. Партия власти получила большинство голосов, традиционно собрав за себя на Кавказе и в национальных республиках более девяноста процентов голосов и с треском прогуд в Москве и Санкт-Петербурге.

– Мы за стабильность, мы за развитие, – обещали новые парламентарии.

– Вы за разложение, – отвечали оппозиционеры.

Экономическое состояние страны оставляло желать лучшего, социальные программы свертывались, олигархический капитал не желал делиться наворованным с народом, предпочитая скупать яхты и футбольные клубы, прожекты высасывали все соки из бюджета. Поэтому протестная база была достаточно широка.

Естественно, результаты выборов оппозицией были объявлены недействительными, а новая Дума – нелегитимной. Продолжились антиправительственные выступления.

В ответ власть собирала митинги из своих сторонников

и просто людей, которым не улыбалась перспектива гражданской войны и взаимной бойни, неизбежных при развале государства. Политические силы разделились на два непримиримых лагеря: приверженцев социальных потрясений – «оранжойдов» и защитников существующего строя – «стабилов».

В Питере на Дворцовой площади в тот майский день собралась манифестация в защиту институтов государства. Проводила его партия «Объединенная Россия». Моросил мелкий дождь, и было прохладно. Но выступления звучали бодрые. Настроения позитивные.

Взрывное устройство рвануло рядом с трибуной, когда на нее взгромоздился депутат от правящей партии, известный и авторитетный хозяйственник. Его посекло осколками, но он остался жив. Три человека погибли, еще одиннадцать были ранены. Взрывное устройство оказалось встроенным в элемент крепления трибуны. Кто его туда засунул – установить не удалось.

При осмотре под трибуной была обнаружена металлическая пластинка с изображением красной руки – логотип «Альянса действия».

Ночью в Интернете появилось сообщение, которое до того, как его удалили, разлетелось по всему миру:

«Альянс действия» находится в состоянии войны с российскими и международными олигархическими кругами, лишившими народ свободы выбора.

Находясь в состоянии войны, мы оставляем за собой право не думать о потерях среди мирного населения, поскольку так называемые сограждане являются пособниками олигархии и врагами свободы.

Мы не добрые волшебники. Мы не несем вам счастья. Мы хирурги, удаляющие разросшуюся опухоль. Мы расчищаем, но не создаем. Созидать придется вам.

Мы за власть трудящихся, но не закрываем дверь перед сора́тниками, готовыми идти на смерть, вне зависимости от исповедуемых религиозных и политических взглядов.

Нас много. Сотни. Завтра нас будут тысячи. Мы готовы умирать за вас и ваше будущее. И мы готовы убивать за него.

Время подходит. Время выбора.

Мы будущее мира. А кто вы – решать вам!»

* * *

В квартире царил идеальный порядок, все находилось строго на своих местах. Кухня сияет чистотой. Холодильник заполнен разумно. На полках и в серванте стоят многочисленные фарфоровые фигурки. На стенах – примитивные лубочные картины с утопающими в зелени сельскими церквушками.

Казалось, не обошлось без женской руки. Но женщины здесь нет. И похоже, не будет. Во всяком случае, при мне.

Идеальный порядок меня приучили поддерживать в ар-

мии. А до этого дядя Володя. Он был тоже фанатик порядка, в армии дослужился до подполковника. И, бывало, говорил мне назидательно:

– В мире и так слишком много хаоса. Поэтому вокруг человека, если в нем есть разум, должен быть порядок.

Как-то всегда получалось, что я тщательно, не жалея сил и средств, обустроивал жилье. Хотя понимал, что надолго мне в нем задержаться не суждено.

У меня никогда не было своего надежного дома, своей прочной, надежной, на века, крепости. Были лишь временные пристанища. У меня не было семьи – были временные привязанности, которые рвались легко, как гнилые нитки.

Сколько лет прошло после того, как мы дезертировали? Пять!

Я никогда не думал, что мне придется заниматься тем, чем я занимался сейчас. Я с детства был готов драться насмерть. Но с открытым забралом.

А теперь кто я?

Призрак?

Воспоминание?

Ночной ужас?

Трудно сказать. Да и неважно. Главное, что теперь у меня есть цель. Таким, как я, она необходима.

Я полулежал на диване с дистанционным пультом в руке, бездумно переходя с одного телеканала на другой. Совершенный полтораметровый светодиодный экран демонстри-

ровал фабрику глупого тщеславия, пустых и пошлых словесий.

– И вот долгожданные еженедельные новости из мира звезд, – радостно верещала декольтированная ведущая.

...Гениальная певица всех времен и народов зацепила нового малолетку, обещав обвенчаться с ним в церкви. Певцу голубых кровей вручен орден за заслуги перед Отечеством. Продюсер отнял у другой великой певицы их ребенка и вывез в США.

Политика. Альянсы, продажи союзников и союзы с врагами. Все идет из века в век. Митинги и демонстрации. «Долой лживые выборы. В топку ненародных избранников».

Криминальная хроника. На Дальнем Востоке исчезли три девушки, истерзанный труп одной нашли в лесополосе. Изнасилование пятилетнего ребенка. Интервью с губернатором одной из областей, находящимся в международном розыске за хищение пятисот миллионов бюджетных денег и чинно проживающим ворованное в Англии.

Хаос. Он напирает на мирок этой тихой квартиры со всех сторон. Он готов раздавить его, как скорлупу.

По третьему каналу фильм – советский, про басмачей тридцатых годов. Вот это мое, родное.

До сих пор вспоминаю, как мы уходили, оставив за собой расстрелянного генерала. Как объявили на нас гон.

Мы знали, что скоро все возможные пути отхода будут перекрыты. И не стали пытаться вырваться обычным путем в

Россию, по компасу на север. Двинули на юг, на вражескую территорию. Перешли границу. На себе несли оружие, боеприпасы и чемодан с миллионом ста пятьюдесятью тысячами долларов.

Пробирались горами и ущельями. Маскировались. Экономили еду и воду. Роб повредил ногу и сломал ребро, не удержавшись при переправе через горную речку. Пришлось тащить его тушку на себе. Обвалом нас чуть не накрыло и разбило камнем пулемет у Мамонта – чудо, что он сам остался жив. Чудо, что мы все остались живы.

Мы преодолели владения «Талибана» и выбрались в Узбекистан.

О том, куда идти дальше, – споров не было. У нас есть Родина. И мы не собирались оставлять ее. ГСН не погибла. Она возвращалась домой.

У Мамонта и Шатуна были семьи. Благодаря тому, что мы вовремя их предупредили, и такие варианты прорабатывались нами заранее, жены с маленькими детьми смогли эвакуироваться, бросив жилье и имущество. Сумели запутать следы.

Гром до армии имел богатую биографию, пересекался с одной из влиятельных криминальных структур, и случилось так, что ее лидер был обязан ему жизнью. И пришла пора отдавать долги. Через него за часть генеральских денег мы выправили документы, сделали пластические операции, изменив внешность до неузнаваемости. Оставшиеся деньги поде-

лили.

– Ну что, братцы, расходимся, – сказал я. – Так будет лучше. Пора устраиваться в новой жизни.

И мы разошлись. Теперь у каждого свой путь.

Правда, договорились об экстренной связи: через Интернет, через почтамы. Каждый из нас должен был иметь возможность в любой момент собрать всю группу.

Потратив большую часть своей доли, я купил однушку в Москве. Устроился механиком на автобазу.

Размеренная жизнь, несложные, хорошо знакомые обязанности. Я был создан не для того, чтобы только воевать. Меня всегда привлекали мощные механизмы, перерабатывающие энергию в движение.

Я думал, что смогу выстроить себе убежище. И выйти из игры. Забыть о том, что я капитан спецназа, что у меня за спиной приговор, приговор бандитов. Но вернулись мы в страну, которую сотрясали социальные тектонические сдвиги. Которая висела на волоске.

Я переключил программу.

– Сегодня произошел взрыв на стихийном рынке около метро «Братиславская». Ответственность на себя взяла ставшая популярной в последнее время организация «Альянс действия». К другим новостям. Продолжается голодовка членов оппозиционного движения «Ярмо». Как сказал руководитель Ярилов, он готов умереть за честные выборы.

И вот интервью с известным астрологом – в июне ожида-

ются погодные аномалии, техногенные катастрофы на Дальнем Востоке и террористические акты в европейской полосе России.

– Почему прогнозы в последнее время настолько мрачные? – спросила телеведущая.

– Земля избавляется от лишних людей, – улыбнулся снисходительно астролог.

Я со злостью нажал кнопку и отключил зомбо-ящик. Отбросил пульт на диванную подушку.

Земля избавляется от людей. Вот же сволочь!..

Уже четыре месяца минуло с той кровопролитной питерской акции, когда мы зачистили анархистскую террористическую группу «Планета и воля», виновную в гибели полусотни мирных граждан. Все это время меня не тревожили. Мой опыт говорит о том, что такое затишье до добра не доводит. Оно в один прекрасный момент обрывается, и тогда все идет вразнос.

А может, обо мне просто забыли? Я больше не нужен? Изменились методы и приоритеты?

Вряд ли... Интересно, что со мной сделают, когда я стану не нужен? Не думаю, что Куратор спишет меня, как списали бывшие командиры. В нем есть стержень, который не позволяет предавать своих. Поэтому я и согласился с ним работать. Скорее всего, обо мне просто забудут.

Я взял смартфон, на самом деле являющийся сложным и секретным средством связи.

– Ну, чего ж ты все молчишь? – произнес я.

И, будто откликнувшись, смартфон вздрогнул, на экран высыпали цифры.

Накликал. Как по волшебству.

Я расшифровал информацию. Ну что ж, вспомнили обо мне. Нужен я еще...

Посмотрел на часы. До встречи с Куратором оставалось полтора часа.

Интуиция не подвела.

Когда все трещит по швам, вспоминают о Земляке и его команде.

* * *

У Куратора были странные привычки и чудачества. Ответственные встречи он предпочитал назначать не в кабаках и не на конспиративных квартирах. Его, ценителя изящных искусств, тянуло в музеи, выставочные залы.

Вот и сейчас он выбрал Пушкинский музей. Что радовало – на улице жара, а в залах прохлада.

Я неторопливо поднялся по парадной мраморной лестнице, меня обогнала японская делегация – шустрые, быстрые, обвешанные фотоаппаратами.

Теперь в итальянский зал. До встречи оставалось минут пять.

В давние советские времена во многих московских музе-

ях имелись специальные помещения, где сотрудники ОГПУ-НКВД-КГБ из года в год, из десятилетия в десятилетие встречались с источниками информации, как правило, с иностранцами. С той поры много воды утекло. Нет уже этих помещений. А традиции встреч остались.

Зал заполонила делегация американцев, и по мановению руки экскурсовода они послушно и добросовестно, на все заплаченные деньги, пялились на застывшую на веки на постаменте суровую чугунную статую кондотьера Гаттамелата – знаменитого предводителя венецианских наемников. И на фигуру Давида, похожего чем-то на гопника, раздетого для проведения тщательного личного обыска.

Сзади почти неслышно появился Куратор – крепко сложенный, мужчина лет пятидесяти пяти, похожий на матевого седого бобра, в легких джинсах и рубашке навыпуск. В руке он сжимал потертую барсетку.

– Любуешься? – спросил он.

– Не по себе мне рядом с истуканами.

– С истуканами, – усмехнулся Куратор. – Не сотвори себе кумира... А знаешь, странно получается. Иван Цветаев создавал этот музей как собрание слепков и копий для юношества с целью обучения истории мирового искусства. Тут раньше были только копии. И здесь я всегда пытаюсь понять, что все же важнее – форма объекта, то самое уникальное искривление пространства, создающее гармонию сфер, и тогда копия имеет полное право на существование наравне с ори-

гиналом. Или важна сама вещь – камень, металл, которых касался автор своей гениальной рукой.

– Важнее, конечно, форма.

– Ты быстр в суждениях.

– Сужу по себе. Я сам копия. Того самого капитана ГРУ Сергея Гончаренко. Феникс, восставший из пепла. И вы автор этой метаморфозы.

– За что тебя люблю – так это за нестандартность суждений...

Мы преодолели несколько исторических периодов и оказались в греческих залах. Устроились на мягкой скамейке на балкончике, откуда открывался вид на античные скульптуры и копию части колоннады афинского акрополя.

Мимо прошелестела стайка школьников младших классов – как ветер прошел, поднимая вверх, будто шелуху, детские голоса.

– Моя группа расконсервируется? – без всяких дипломатических экивоков взял я быка за рога.

– В точку, – кивнул Куратор.

– Объект – «Альянс действия»?

– В корень зришь.

– Вы в тупике... Хоть что-нибудь нарыли?

– Ничего. Сегодня в их активе – два десятка погибших.

– Бывало хуже.

– Важна тенденция, Сережа. Интенсивность растет.

– Отработали версии хоть качественно?

– Отрабатываем контингент, притом жестко. Смотрим аналогичные преступления. Проводим аналитику по объектам посягательств. Активизируем агентуру. И все без толку.

– Если бы все террористы вычислялись по алгоритму, мы бы их всех давно вывели.

– Понимаешь, все наши бандиты подлежат классификации. Ваххабиты, ультралевые. Действуют в строго отведенных рамках. Мы знаем, от кого что ждать. «Альянс» не вписываются ни в какие схемы.

– Лозунги у них громкие, – отметил я. – И беспощадные. Они надеются завоевать сторонников?

– Думаешь, им нужны сторонники?

– А что им нужно? Неразбериха и бардак?

– Что им нужно и кто они такие, расскажешь мне ты. Когда выполнишь задание.

– Вы обо мне слишком высокого мнения.

– Капитан, ты удачлив. На эту удачливость я надеюсь больше, чем на все научные методы ведения поиска.

– Удача – дама изменчивая.

– Так охмури ее! – Он протянул мне флэшку и назвал код доступа. – Сергей, сколько мы работаем вместе?

– Четыре года.

– Какие мы с тобой дела делали.

– Лихие. Матерых волков давили.

– Так вот, я чувствую, это все щенки были. И сейчас игра начинается по-настоящему крупная.

Я нырком ушел от бокового удара, принял на перчатку еще один удар, подставил ногу, пресекая сокрушительный пинок ногой в живот.

И выстрелил кулаком в солнечное сплетение.

Роланд застыл на миг и согнулся, не в силах восстановить дыхание. Осел тяжело на маты.

Со стороны казалось, что такую тушу, за сто тридцать кило весом, с мощным загривком и бугрящимися мышцами, никаким ударом пробить невозможно, особенно рукой в перчатке, да в солнечное сплетение.

Но можно все. Человек – вообще существо хрупкое. Любого можно свалить даже несильным ударом, если знать, куда и как бить. Для этого нужно просто выждать удобный момент.

А в выжидании удобного момента мне равных нет.

– Чистая победа, – поднял руку Жук – двухметровый, грузный, широкоплечий, лысый сорокачетырехлетний верзила в камуфляжных брюках и майке. Два глубоких шрама, рассекавшие лицо, придавали ему зловещий вид.

Роланд с трудом встал и доплелся до скамейки. Поднял на меня укоризненный взор.

– Ну, ты и бить горазд, Чак, – переведя дыхание, выдавил он, назвав меня по прилипшей в последние годы кличке –

производной от мастера единоборств Чака Норисса.

«Мог бы и убить», – подумалось мне. Убивать даже легче. Все рефлексy, которые мне привили, были заточены на то, чтобы за кратчайшее время уничтожить противника. В спортивных схватках приходится их сдерживать.

Но этим людям не нужно знать о специфических навыках, которым меня обучали очень крепкие специалисты – настоящие мастера, из тех, кто не участвует в спортивных боях, зато имеет обширный опыт участия в боях настоящих. В смертельных боях, в которых уже то, что остался жив, говорит о многом.

Жук хлопнул в ладони:

– На сегодня тренировка закончена, братья. По домам.

Пара десятков качков издали в едином порыве громкий боевой клич:

– Россия, ура! Ура! Ура!

Вычурная вывеска на дверях спортзала гласила, что здесь расположен спортивный клуб «Эра Водолея». Помимо развития боевых навыков в его планах значились изучение русской истории, патриотическое воспитание.

Здесь собирались молодые, сильные ребята. Не курят и не пьют. Готовятся к борьбе. Вот только в какую борьбу их втянут? И какие времена нас ждут?

Через пятнадцать минут зал опустел, в нем не осталось никого, кроме меня и Жука.

– Хороший материал набрал, – отметил я.

– Это не материал, – укоризненно произнес Жук. – Это будущие соратники... Пошли по улице пройдемся, что здесь сидеть?

Не исключено, что спортзал начинен микрофонами. Ни ФСБ, ни подразделения по борьбе с экстремизмом не пройдут мимо такого рассадника русского национализма.

Жук не скрывал, что стоит на крепких националистических позициях, мечтает о возрождения России с доминированием русского народа и пропагандирует самые жесткие способы решения вопросов нелегальной миграции. Пару раз его пытались привлечь за разжигание национальной розни, но он срывался с этой статьи Уголовного кодекса.

Во многом я не соглашался с Жуком, во многом его взгляды мне казались крайними, но уважал его за то, что он один из тех, кто свято верит в русский дух, в будущее России. У него есть непоколебимые принципы. А это дорогого стоит.

А еще Жук – мой старый друг, который сильно поддержал меня в период безвременья.

Ну а кроме того, он был моим агентом. Точнее, союзником. Нас не роднили деньги и компромат. Просто однажды я сумел его убедить в своей правоте. Так же, как в свое время меня убедил в своей правоте Куратор.

Дневная жара отпустила, был прозрачный, изумительный вечер. В скверик высыпали мамы с колясками. С ногами на скамейках водрузились болезненно веселые, с банками пива подростки. На траве сидели на корточках пятеро мол-

чаливых смуглых среднеазиатов. Рядом с лавкой спал, обняв кулек с тухлым тряпьем, член гильдии бомжей демократической России.

– Грязь, – произнес Жук. – Когда мы будем ее убирать?

– Это накопъ, Жук, – поморщился я. – Если будем живы, сотрем ее рано или поздно. Только нужно, чтобы ребята, которых ты натаскиваешь, не сгорели в пламени междоусобицы. Это наше будущее.

– Пламя... Если вспыхнет, будем тушить его своими телами...

– Все к тому идет. Ты слышал об «Альянсе действия»? – спросил я. – Что думаешь?

– Властные разборки. Или Кавказ что-то затеял – зверькам чем хуже, тем лучше.

Жук имел обыкновение во всех бедах обвинять инородцев.

– Жук, «Альянс» – враг. Мы должны его обнулить.

– Не вопрос... Как искать будем?

– Количество терактов подразумевает втягивание в процесс многих людей. Должен «Альянс» откуда-то черпать отморозков. Ты вращаешься в среде лиц, склонных к активным действиям.

– Вращаюсь. – Жук задумался. – Знаешь, пару месяцев назад один из моих парней говорил, что к нему заход делали. Мол, пора делом заняться. А не груши молотить в подвалах.

– Кто обращался?

- Не знаю. Просто Сема обмолвился. Со смехом.
- Вышибалы много кому нужны. Нацикам. Бандитам.
- У Семы в армии профессия хитрая была.
- Какая?
- Взрывник.

* * *

Скачут, повинуюсь пульту в моей руке, программы на экране. Рушатся на голову обывателя клиповые новости. Двадцать секунд – кусок информации проглочен. Следующая. Мозаичная информация. Мозаичная жизнь. Растущая тревога.

Есть новости ударные и фоновые. Ударные нагнетают энтузиазм, страх и истерию. Энтузиазм сегодня не нужен никому. Истерия – ходовой товар.

Главная ударная новость, как таран взламывающая общество, – кадры разгона очередного митинга.

Романтическим символом протестного движения стали синие бантики на блузках и рубашках от Версачи. И теперь «синибанточники» бузили без устали.

Толпы офисных хомяков стремились к чему-то неясному и неуловимому, чтобы все как на Западе, либерально – чтоб разделение властей, свобода и, главное, чтобы деньги сыпались с неба, чему коварно мешают бюрократы.

Широкие массы националистов мечтали вытеснить наци-

ональные меньшинства.

Сексуальные меньшинства мечтали вытеснить сексуальное большинство и сделать гей-парады еженедельными и общеобязательными.

Фашисты мечтали об официозной свастике.

Коммунисты – о звездах на телебашне.

У всех была болезненная несбыточная мечта. И дорога к ней шла через смуту.

Три месяца назад был отменен фискальный закон о некоммерческих организациях, и в страну полноводной рекой хлынуло финансирование протестной волны от зарубежных фондов, обществ и клубов, которыми, как фиговыми листочками, прикрывались разведки самых разных стран.

И результат был. На телеэкране кровь на асфальте, запруженная демонстрантами Болотная площадь, ставшая аналогом римского Колизея, там все время проходили гладиаторские бои в формате «ОМОН против либеральной оппозиции».

Вот демонстрантов тащат в омовские автобусы. Борцы за свободу упираются и пинаются, не устая цитировать Конституцию – что-то про свободу собраний.

Известная светская журналистка, похожая на продавщицу пивного ларька, визжит в голос, как в палате для буйных: «Спасите, люди! Бейте ментов!» Ее заталкивают в автобус вместе с толпой геев – самой надежной опорой либеральной революции.

– Представители адвокатского сообщества протестуют против чрезмерного применения силы в отношении демонстрантов, – вещала ведущая с торжественным видом. – В действиях спецподразделений полиции, по мнению адвокатов, усматриваются признаки превышения власти. Также Объединенный союз правозащитных европейских организаций осудил факты...

Щелчок. «РЕН-ТВ». Зарубежные новости.

Мировая экономика напоминала самолет в руках пьяного пилота. Цены на нефть бились, как в лихорадке, то взмывая до небес, то ныряя в глубины океана. Мировые валюты то ли намеревались, сделав мертвую петлю, выздороветь, то ли, войдя в штопор, рухнуть и отдать концы.

В Африке продолжалась бойня. Вырезались христианские деревни. «Аль Кайда» оккупировала потихоньку арабские страны, перед этим от демократизированные «Томагавками» мирового сообщества.

Щелчок. Канал «Культура».

– По оценкам ученых-экологов, биосфера Земли вступила в эпоху необратимых изменений. Под угрозой существование человечества, которое не переживет текущего столетия...

Не переживем? Тогда чего дергаться? Не лучше ли пожить красиво?

Хрен с ними со всеми. Надо работать. О гибели биосферы будем думать в свободное время.

Но с работой не клеилось. Пять дней назад Куратор выдал мне флэшку с заключениями экспертиз, протоколами, фотографиями мест происшествий. А также с бесконечными списками подозрительных лиц и результатами их отработки. И ничего полезного!

Нужна зацепка. Логика и улики – это хорошо. Но ничто не заменит полноценного агентурного сообщения.

Я прошелся по своим источникам оперативной информации. Посетил места, где загадочная фигура по кличке Чак (ваш покорный слуга) имела вес. Где знали, что Чак крут, за ним много чего героического и противозаконного, но об этом говорить нельзя, поскольку длинные языки режут. Авторитет я зарабатывал долго. Мы с Куратором провернули не одну комбинацию, чтобы убедить общественность – Чак чистый отморозок, готов на все, и при этом хитрый змей, всегда уползет и затаится. Для этого пришлось отсидеть три месяца в следственном изоляторе в Лефортово.

Пять дней я дышал дымом марихуаны и морщился от запаха пота в спортзалах. Побывал в качалках, где нацики наращивали мышцы, в студенческой общаге, где тусовались радители за счастливое будущее человечества, в музыкальных кафешках.

Меня уважали, угощали пивом. Со мной трепались о необходимости построения царства справедливости на земле и пользе тотального террора. Пришлось разбить пару морд, когда со мной не желали общаться или общались недо-

статочно почтительно.

– «Альянс действия» – вот сила. А мы... – горестно сетовал один из несостоявшихся террористов, полностью деморализованный после короткой беседы в управлении по борьбе с экстремизмом.

– Себя силой не считаешь? – спросил я.

– Куда там. Ботаны мы. Только траву курим, – бросил кухонный революционер, давя в пальцах косячок. – Да терки дурацкие трем.

«Альянс действия» все эти ребята упоминали с уважением, но говорили как об инопланетянах – вроде они и должны быть, но никто не знает, как выглядят.

Идея насилия и террора бродила в среде этих мальчиков и девочек, вскипая и пузырясь, как перебродившая брага. Она же будоражила более серьезных ребят, реально готовившихся к вооруженной борьбе. Бандиты, с которыми я тоже пересекался, также были все в ожидании большого куша, который ухватят, когда все пойдет вразнос.

– По мне чем хуже, тем лучше, – заявил мой знакомый, отъевшийся хряк из подмосковной группировки. – Если мочиловое пойдет, мы свое возьмем.

– Кто вы? – полюбопытствовал я. – Ваши паханы?

– Паханы? Нет, их этот порядок устраивает. Они в него выросли. А нам нужны перемены. Мне надоело шестерить. И если большой кипиш пойдет, я с братанами свое возьму. Так что подумай о разговоре. Я тебя буду иметь в виду.

– Подумаю.

После одной такой теплой беседы я засек за собой наружное наблюдение. Аккуратно оторвался. Интересно, кому я понадобился? Скорее всего, попал в поле зрения фээсбэшников, отрабатывающих экстремистскую молодежную среду. Обо мне, кроме клички, они ничего не знали, а слухи о серьезном, в возрасте под тридцатник, человеке бежали впереди меня. Вот и решили уложить меня в адрес и начать разрабатывать. Интерес был сиюминутный, иначе я бы так просто не сорвался и пришлось бы просить Куратора оградить меня от его коллег.

Жук после нашего разговора на звонки не отвечал. В спортзале его не было. Я уже начал беспокоиться, учитывая его способность ввязываться в разные дела. Он человек слова. И если сказал, что сделает – значит, так и будет.

Жму на кнопку. Щелчок. Это уже молодежный канал.

– И из жизни звезд. Участница шоу «Секс и любовь в застеколье», бывшая порнозвезда выходит замуж за владельца сети ресторанов в Москве. Желаем любви и хорошего секса!

Зазвонил телефон.

– Чак, можешь подобрать меня в Можайском районе? – послышался усталый голос Жука.

– Когда?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Ты туда пешком добрался?

– Не время для вопросов.

– Давай координаты.

– Записывай.

Я натянул потертые джинсы и просторную рубашку, засунул за пояс «Глок» – когда ввязываешься в дела Жука, лучше иметь при себе ствол.

Во дворе стоял скромный темно-синий «Форд Фокус» в идеальном состоянии. Надежная машина для людей моего рода деятельности – это лишняя возможность выжить.

До места я добирался почти три часа. Съехал с шоссе, покрутился по грунтовым дорогам меж сосновых лесов, огороженных колючей проволокой имений. Вот и точка randevu на проселочной дороге к разрушенной свиноферме.

На изъеденном временем колесе от трактора «Беларусь» сидел Жук. Рядом стоял невысокий, квадратный тип, руки как грабли, борода лопатой, угрюмый взгляд – чистый гном. Оба в джинсах, клетчатых рубашках, с рюкзаками.

Я распахнул дверцу:

– Карета подана, господа.

Жук плюхнулся на переднее сиденье, а гном устроился сзади, долго шурша и выбирая удобную позу.

– За грибами ходили? – Я тронул машину с места.

– За ягодами, – буркнул гном.

– Много набрали? – Я кивнул на рюкзак.

– Все наши.

– Повежливее, Сема, – с веселыми нотками в голосе произнес Жук. – Ты хоть знаешь, кто это?

– Водила, кто же еще.

– Это Чак.

– Тот самый, что ли? – озадаченно произнес гном.

Похоже, в узких кругах обо мне складывают саги.

– Тот самый. А это Сема, взрывник, – продолжил Жук. –

Помнишь?

– Тот самый? – усмехнулся я.

– Тот самый.

* * *

Совещание проходило в высотном здании ФСБ на Волгоградском проспекте. Просторный, с дорогим евроремонтом и современной мебелью в стиле хай-тэк, кабинет был надежно защищен от прослушки. Меры предосторожности нелишние – то, что обсуждали здесь, могло взорвать всю внутриполитическую обстановку. И похоронить собравшихся здесь людей, притом в прямом смысле слова.

Во главе стола возвышался вальяжный седовласый генерал-лейтенант Роман Панасенко, по виду – эталонный чиновник, с мудрыми усталыми глазами, печалющийся за страну и народ. Полковник Александр Ломакин, он же Кура-тор, жадно глотал холодную газированную воду. Напротив него положил пудовые кулаки на стол лысый громила с исполосованным шрамами широким лицом и слегка узкими восточными глазами – это Батыр, он же генерал-майор Виктор

Юрасин, в прошлом легендарный руководитель «Альфы». Листал блокнот полковник Панкрат Гаврилов – худощавый, в очках, по виду канцелярская крыса, на деле прекрасный аналитик и хитрый, как змей, опер.

– Хочу поздравить вас, коллеги. – Генерал Панасенко обвел глазами своих заместителей. – Мы дружно проспали появление мощной террористической организации. Наши хваленые агентурные сети, наша супертехника, позволяющая заглядывать в любую замочную скважину и слышать любой шепот. Где они? Товарищ Гаврилов, что скажете?

– Соглашусь. Против нас действует разветвленная террористическая сеть, в которую вовлечены большое количество людей и серьезные средства. Ее формирование прошло мимо нас. Гадать, кто они и что представляют, без конкретной информации бесполезно.

– Ну почему же. Вон, аналитики ударно поработали. – Панасенко хлопнул по пачке бумаг. – Расписали, бумагомамки, все, от царя Гороха до наших дней. Истоки террора. Тактика действий террористических групп. Сто двадцать страниц. Это диссертация, литература, публицистика. Но только не аналитический документ, который позволит ухватить врага за хвост.

– Подпись генерала Пустовалова, – хмыкнул Гаврилов.

– Генерал Пустовалов идиот, – произнес Панасенко. – Из призыва дураков.

Присутствующие отдали не один десяток лет службе в органах госбезопасности. И помнили много. Как в начале де-

вяностых годов последний Председатель КГБ СССР, видный либерал, сдал государственные секреты американцам, выкинул на улицу большинство толковых сотрудников и написал об этом книгу «Избавление от КГБ».

Тогда престиж службы и зарплата упали до нуля. Образовался кадровый вакуум. На должности оперативников стали массово принимать прапорщиков, проверявших на воротах документы, тыловиков, тюремных контролеров. Думали, они долго не удержатся, а потом наберут умных. Но некоторые виды паразитов очень легко заводятся, а потом их не выведешь из-за феноменальной приспособляемости. Теперь эти бездари и интриганы стали генералами.

Когда авторитет спецслужб начал восстанавливаться, выяснилось, что ситуация катастрофическая. Система потеряла эффективность. И как ее восстановить – не знает никто.

Сегодня ФСБ на первый взгляд – это обычная конторка, типа полиции, только еще лезущая в политику и присматривающая за структурами, куда другие органы не пускают.

Вместе с тем уровень угрозы национальной безопасности настолько высок, что наличие дееспособных спецслужб – это вопрос выживания государства. И нашлись в свое время умные люди, чьими стараниями ФСБ сегодня похожа на капусту. Снаружи – вялые завядшие листья. Ближе к центру – крепкая кочерыжка. В каждом подразделении оставались настоящие опера – пусть и не на руководящих должностях, но с некоторой свободой действий. Были боевые отделы, за-

чищающие террористов и громящие иностранную агентуру. А еще было создано несколько хитрых подразделений, сам факт существования которых являлся гостайной высочайшего уровня – это последняя линия обороны.

Официально подразделение, которым руководил генерал-лейтенант Панасенко, именовалось «Управлением по реагированию на новые вызовы и угрозы». За этой ширмой скрывалась «НК» – нелегальная контрразведка.

На последней коллегии ФСБ вновь звучали грозные призывы неукоснительно соблюдать права человека и законность. На самом деле спецслужбы созданы для того, чтобы нарушать законы. Шпионаж – это уголовное преступление. То есть вся Служба внешней разведки создана для нарушения уголовного законодательства зарубежных стран. А внутри страны чем лучше? Нормальная спецслужба ведет настоящую войну, где противника перекупают, уничтожают, разоряют. А какие законы мирного времени пригодны на войне?

Формально задачей «НК» является «предотвращение террористических актов на стадии приготовления». Руководство чаще трактовало это как физическую ликвидацию источника угроз.

– Александр Аверьянович, мы сегодня не слышали вашего мнения, – произнес генерал Панасенко.

Куратор побарабанил пальцами по столу:

– Террористическая активность «Альянса» будет возрастать. Они не успокоятся. Они будут бить по самым больным

местам. Это не фанатики, а комбинаторы.

– Их цель?

– Узнаем. Когда возьмем их.

– Стоит задействовать по полной программе группы контртеррора. – Панасенко без особой охоты принимал такие решения, зная, насколько острое это оружие.

– Уже задействовал, – бросил Куратор.

– Без согласования? – приподнял бровь генерал.

– Я принял решение в рамках полномочий. В соответствии с пунктом пятым Протокола. И сейчас считаю нужным доложить об этом.

Система «НК» была основана на том, что каждый из собравшихся при формальном подчинении руководству обладал полной свободой применения подчиненных сил. Если считалось, что руководитель сектора превысил допустимые рамки, это рассматривалось позже на совещании Управления, а потом у Директора ФСБ – единственного, на ком замыкалась эта система.

– Результаты есть? – спросил Панасенко.

– Пока нет, – покачал головой Куратор. – Мы делаем все.

– Если так пойдет, то и нас взорвут, – подал голос генерал Юрасин.

– Это будет прискорбно. Но не смертельно, – усмехнулся Куратор.

– Все, совещание закрыто, – хлопнул по столу ладонью Панасенко.

Действительно, пора работать. Здесь не любили чесать языками.

* * *

Жук работал при нашей автобазе в конторке, созданной для распила бюджетных денег – то ли менеджером, то ли завхозом. На офисного хомяка он походил меньше всего. Огромный, накачанный, суровый.

Я считал его кем-то вроде бандита, крышующего автобазу. Такую публику я предпочитаю обходить за километр. Но как-то мы оказались с ним на общей пьянке – он не считал зазорным общаться с рабочим классом. Мы разговорились, и я понял, что тут совершенно иной случай. Передо мной был фанатик. Человек, исступленно преданный идее возрождения России.

Тогда ему уже стукнул сороковник. Он вел секцию рукопашки, куда привлекал молодежь, руководил патриотическим клубом «Эра Водолея». И был одним из лидеров полулегальной организации «Русский реванш».

На той памятной пьянке он пригласил меня в секцию:
– Ты парень молодой, сметливый. Приходи. Присмотришься, может, понравится.

И я пришел в спортзал. Узнав, что я имею некоторое представление о рукопашке, Жук предложил «отстукивание» – пристрелочный бой с его питомцами. На рукопашку меня на-

таскивали с детства. Так что при моем сухощавом сложении уделал я здоровенных качков и даже не вспотел.

С Жуком мы обменялись несколькими ударами. И я понял, что смогу уделать и его. Он это тоже понял. Прервал бой. Хлопнул меня по плечу:

– Мастер.

Я стал захаживать в спортзал.

Тренировки сочетались с «бдениями» – Жук очень увлекательно рассказывал об истории России. О беспощадных войнах, где закалялся русский дух. О том, что и нам пора решать – хотим ли мы оставаться народом-победителем или стать жертвенной коровой на геополитическом разделочном столе.

Постепенно мы сближались. Однажды я узнал, что деятельность Жука тренировками и проповедями не исчерпывается. Тогда в тренерской комнате, в углу, мерцал экран телевизора. Показывали репортаж о задержании добрых молодцев, совершивших налет на грязную общагу на окраине Москвы, где обитали чернокожие наркоторговцы. Смаковались кадры, где «русских скинхедов» загружали в полицейские автомобили.

Жук чертыхнулся:

– Мои ребята. Надо вызволять. Адвокатов искать.

– Хоть не ты их туда послал?

– Я похож на дурака? Они откололись пару месяцев назад. Хотели всего и сразу. Но помогать надо. Мы своих не бро-

саем.

Постепенно мне открывалось, что Жук является идеологическим вдохновителем нескольких боевых групп. К нему многие приходили за советом. К его словам прислушивались ребята, больше не слушающие никого и не признающие никаких авторитетов.

– Вы хотите убивать таджикских дворников? – резко отчитывал он их. – За цвет кожи? Мы не можем ровнять всех под одну гребенку. И бить таких же бедолаг, как и наши работники. Они же сами жертвы, у нас общие враги.

– Зверьки должны знать место, – хмурился необъемных размеров коротко стриженный битюг.

– Это не наш путь. Мы должны быть выше, умнее, организованнее. И силу использовать лишь тогда, когда нельзя иначе. Но тогда бить так, чтобы любая мразь трепетала, только заведя русский кулак.

Позже я узнал, что Жук являлся организатором нескольких громких силовых акций. Та нашумевшая история, когда следователь хотел выпустить горцев, насмерть расстрелявших двоих русских ребят из травматики. Родители джигитов были большими шишками. Тогда я увидел, как может стремительно разворачиваться машина «русских дружин». За считанные часы было организовано многотысячное пикетирование прокуратуры и МВД. Переполнены информацией СМИ и Интернет. Поднят такой шум, что власти реально испугались, в результате виновных осудили.

Однажды Жук собрал дружину и рванул в Ивановскую область, где местные мужики схлестнулись с чеченской мафией. Порядок там навел быстро, жестко и без шума.

Жук не пытался втягивать меня в свои дела. Хотя понимал, что я не просто приятный собеседник и хороший спортсмен. Что у меня за душой есть что-то стоящее.

Но однажды он попросил меня. На двоюродную сестру его сотрудника наехали диковатые кавказцы. Одно время она крутила любовь с кавказцем, и тот теперь считал ее своей собственностью. Обещал взять за волосы и уволочь в свой аул. Увозил пару раз от дома на машине, угрожая: «Пикнешь, сверну шею, я человек важный, мне ничего не будет».

– Непорядок это, – сказал Жук. – Своих надо выручать. Разомнемся?

– А что? – бесшабашно махнул я рукой. – Можно.

Двое важных бабуинов ждали у подъезда свою жертву. Кстати, к кавказцам я отношусь толерантно – и в детстве, когда жил в Чечне, и на войне видел их разных. Среди них были мои друзья, с которыми я пошел бы в любую разведку. Но количество дикарей, сорвавшихся с гор в Центральную Россию, в последнее время зашкаливает.

Мы с Жуком покуривали в сторонке, глядя, как во двор заходит тоненькая испуганная девчушка. И бабуин подваливает к ней со словами:

– Ты чего, праститутка, не поняла?

Схватил ее за локоть и поволок в сторону красного

«Ауди».

И тут мы. Вырубили их с трех ударов. Забрали пистолет «ТТ». Одного бабуина кинули в багажник нашего джипа, другого – в салон.

В лесочке за МКАД состоялся душевный разговор. Я вспомнил науку интенсивных допросов в боевых условиях. И превратил гордых джигитов в расплывшихся слизняков. Если первыми их словами были: «Убьем тебя, твоих родственников и эту билядь», то в конце звучало униженное: «Не убивай, брат».

Жук сфоткал обоих на мобильник с фаллоимитатором в интересном месте. Да еще друг с другом. И сжал увесистый кулак:

– Понимаешь, что ты у меня теперь вот здесь?

– Все понимаю, – блеял бабуин.

– Не забудь, что с тебя двадцатник зелени. Завтра.

Через два дня в спортзале Жук протянул мне пачку сто-долларовых купюр.

– Часть ушла девчонке в качестве компенсации. Наша доля пополам.

– Не надо. Я за идею.

– А я за что? Но обезьяну ошкурить – сам Господь завещал.

– Ладно. – Я взял деньги, усмехнувшись про себя – вот так становятся бандитами. Хорошо еще, если благородными.

– Не кривись. Деньги не цель. Но они нужны для дела.

Через пару месяцев он вновь обратился ко мне. На этот раз ситуация была куда круче.

– Серый, ты парень серьезный. Вижу, что воевал.

– Да ладно, какой там воевал.

– Не надо мне петь. Я сам не через одну войну прошел. Ухватки матерых вояк знаю. Ты из военной разведки... Ладно, умерло между нами... Только война не закончена.

У него была конкретная информация, что в Москву прибыл груз героина, где-то под сотню кило.

– Я знаю, где его перехватить, – сказал Жук.

– И что ты с ним собираешься делать?

– В печку.

– А курьеров.

– Без мокрухи. Но в назидание.

– Жук, это не моя война.

– Правильно, не твоя. Наша. Потому что нам не все равно.

И я понял, что мне действительно не все равно. Перед моими глазами стояли мешки с героином... Адское пламя и вселенское зло.

Информация была в точку. Хлопнули мы груз в момент передачи на глухой стоянке дальнобойщиков под Москвой. У нас было все необходимое – маски, стволы. И охрана оказалась слабенькая. Один пытался вытянуть пистолет, но я его сшиб с одного удара.

– Вы сюда больше не ходите, чурки. В следующий раз на костре сами будете, – говорил Жук, поджигая мешки с геро-

ином.

С этой вылазки дивидендов мы не поимели. Оплата за груз производилась между проверенными партнерами по безналу, через офшоры.

– Слушайте, братья мусульмане, – напоследок объявил Жук, пиная лежащих на земле таджиков. – Мы вам не дадим возить зелье. Мы вас будем убивать.

– Зачем убивать? Не будем возить! Как скажешь! Больше Москва не появимся! – ввали наркокурьеры искренне.

– Русский народ не будет сидеть на игле!

Через три недели мы накрыли еще одну партию белого порошка и изувечили наркодилеров.

– Чего ты хочешь добиться этим индивидуальным террором? – однажды спросил я Жука.

– Сбить немножко вал наркотиков. Всколыхнуть болото. Закалить людей.

А через месяц ко мне на работу пришел осунувшийся Лом – ближайший помощник Жука:

– Взяли командира. Кажется, Мурза. Крыша тех наркоторговцев. Прознал, что мы уничтожили его товар.

– Что делать собираешься?

– Не знаю я! Жук всегда решал!

– Не знаешь?! А разве не Жук говорил – своих не бросают?

– Отбивать будем. А как – не знаю.

Я расспросил его, что он знает о Мурзе. И командным го-

лосом выдал:

– Отставить панику. Оружие есть?

– Найдем.

– Отбираешь пять самых надежных бойцов, с армейским опытом, умеющих стрелять. Нужен транспорт. И главное, нужен источник информации.

– Какой источник? – изумился Лом.

– Над этим давай вместе думать...

И придумали.

Али, ближайшего помощника и родственника Мурзы, мы отследили от ночного клуба «Сатурн». С охранником – неразумным огромным бугаем, и белобрысой телкой он сел в белый «Мерседес».

Во дворе дома в Чертаново наш микроавтобус «Фольксваген» подпер сзади бампер «мерса». Я срубил ударом пистолетной рукоятки телохранителя, как кошку отшвырнул взвизгнувшую девку. Мои парни вытащили пухленького и лысого Али из салона вместе с его нукером и кинули в фургон.

– Жить хочешь, будешь молчать, – взял я за горло распутную девицу. – Поняла, подстилка дырявая?

– Д-д-да.

– И со зверьками по хатам не шатайся. Али – садист. Скажи спасибо, что жива осталась.

Дальше подвал, допрос с пристрастием. Когда я щипцами зажал Али палец, он взвыл. И выдал все, что знал. Он был

не бойцом, а казначеем.

– Не убивай, я все сказал, – захныкал он в конце.

– Будешь сидеть здесь, пока мы нашего товарища не вызволим. А вот потом...

– Отпустишь?

– Если объяснишь, зачем мне это надо.

– Сто тысяч долларов!

– Сто пятьдесят. Не обеднеешь.

– Сто пятьдесят, – вздохнул Али...

Выяснилось, что Жука держат в престижном подмосковном районе, в обширном имении, где наркоторговец предавался радостям жизни.

Меня столько натаскивали на штурм самых различных объектов, в том числе укрепленных пунктов противника, баз, пусковых установок ядерного оружия – забыть это искусство невозможно. Как нельзя, к примеру, разучиться ездить на велосипеде. Некоторые навыки намертво въедаются, становятся неотъемлемой частью тебя.

Я провел рекогносцировку. В эту же ночь наша штурмовая группа вломила в дом.

Охранники у Мурзы были здоровенные, самонадеянные и ни на что не годные. Привыкли воевать против таких же дикарей.

Мы проникли на объект чисто. Потом чуть не засыпались, когда один из бойцов столкнулся на территории с вышедшим из пристройки охранником. Из пистолета с самодель-

ным глушителем мне пришлось прострелить тому ногу, а потом оглушить его.

Мы нейтрализовали охранников в доме, повязали Мурзу. Заложника он держал в подвале. Видимо, завидовал славе восточных эмиров, у которых во дворцах имелась тюрьма для врагов, дабы всегда можно было насладиться их стонами.

– Мурза, я прошел, как раскаленный нож через масло, сквозь твою охрану. Если надо будет, я приду снова. К тебе. К твоим детям. Родным. Я уничтожу твой род, если ты еще раз посмеешь сделать такое, – говорил я, не снимая маску.

– Вы сожгли мой товар! – голос у Мурзы походил на лай приبلудной шавки – он глотал окончания слов.

– Придет время, ты уедешь, или мы уничтожим тебя. Ни один басмач не справился с русским солдатом. Время придет, мы сотрем тебя. А пока мы уходим. А ты обещаешь не делать глупостей. И остаешься живым.

– Но...

Я отмахнул ножом ухо лежащему на полу телохранителю и резко ударил в основание черепа, выбив сознание, чтобы перекрыть пороссячий визг.

– Тебе я отрежу кое-что другое. Ты понял?

– Я понял. – Мурза метал глазами молнии.

– Не жги меня глазами. Ты шут, возомнивший себя эмиром. Запомни, я приду к тебе в любой момент. Если я погибну, придут другие. Забудь о мести...

Мафия готова воевать. Но получалось, что сейчас мы зна-

ли о них больше, чем они о нас. Диверсант силен тем, что он в тени.

– Договорились, – кивнул Мурза. – Я держу слово. Я хозяин своего слова.

– Ну да. Сам дал, сам взял обратно. Бойся, басмач. Бойся...

Жука отделали прилично, но раны на нем заживали быстро. И он не терял оптимизма.

– Ну, ты крут, – сказал он. – Парни в восторге.

– Жук, так нельзя. Рано или поздно они нас поубивают.

– Нельзя опускать руки. Будем бить их верхушку.

«Славянский кулак» – так называлась боевая организация, которой руководил Жук. О ней знали немногие, но шлейф тянулся длинный. Жук предложил войти в нее в качестве оперативного руководителя и разработчика акций. И я не смог отказаться.

Понаделали мы много. Бились с диаспорами, поджигавшими под себя русские провинциальные городки и предприятия. Иногда получали за это деньги, которые нужны были, чтобы биться дальше. Закладывали взрывные устройства. Отделывали битами и запугивали распоясавшихся бандитов.

Я в жизни не жалею ни о чем. И что был этот период в моей биографии – тоже не жалею.

А потом в моей жизни появился Куратор.

Но это уже другая история.

Жуку я обязан многим.

Куратору я обязан всем...

Я встряхнул головой, наддал газа, выруливая на Можайское шоссе, и поинтересовался:

– Сделали хоть, что планировали?

– Сделали. – Жук потер покрасневшую скулу – след удара.

– А эвакуацию не предусмотрели.

– Предусмотрели. Так получилось.

– Никого хоть не завалили вглухую?

– Обижаешь. В сводках происшествий не возникнем, – хмыкнул Жук.

– Не бойся, не подставим, – поддакнул гном.

– Кое-что есть для тебя, – сказал Жук. – Сема, говори открыто. Мы одно дело делаем. И нам с «Альянсом» не по пути.

– Я пару лет с пацанами крепко дружил с «Черного марша». До сих пор встречаемся.

– Это которые зверьков в Мытищах плющили?

– Да, трое сели. Но не в этом суть. Бурления у «Марша» идут – нужно переходить к активной силовой фазе войны. Хотя никто не знает, что это за фаза такая. И зачем она нужна.

– Единства нет?

– Нет... Ребята хорошие. Но могут быть опасными... Там студент-химик вращался. Глицерином кликали. Свихнутый на взрывчатых веществах – с детства хлопушки изобретал и на кошках испытывал.

– Глицерин, – будто попробовав кличку на вкус, произнес я.

– Такой пончик, ручки-ножки пухленькие, губки надутые. Но злой, как черт. Глаза голубые – яркие, из-за этого считает себя истинным арийцем. Он меня однажды в деле видел. Знает, что слов на ветер не бросаю.

– Ты тоже за силовые методы?

– Было дело... Я его недавно встретил на тусовке. Он меня отвел в сторонку: мол, с пустомелями общаться – себя не уважать. Нужно делом заниматься. Он переустроит с корешами страну – будет все пучком. Есть люди, присматривают настоящих мужиков под громкие дела.

– А ты? – спросил я.

– Послал по адресу...

– Интересно. – Я прикинул варианты.

Это криминальные структуры могли искать себе расходный материал в экстремистских кругах. Но могла быть и ниточка к «Альянсу действия».

– Как его найти? – спросил я.

– Телефон есть. – Сема вытащил мобилу и нашел номер.

Я притормозил машину и записал.

– Чак, я рассказываю тебе, потому что знаю: все, что ты сделаешь, – это для нашего общего дела, – торжественно произнес Сема. – Я прав?

– Клянусь.

– Тогда я спокоен.

Верховный суд Российской Федерации признал результаты выборов законными. Вслед за этим около его здания рванул взрывпакет эквивалентом сто грамм тротила.

Прошли новые транши, оппозицию подпитали деньгами, и изо всех углов, как нечисть в «Вии», полезли «синеленточники». Сегодня в Москве санкционировали их митинг, на который организаторы пообещали вывести миллион. Значит, тысяч двадцать будет.

Я оделся попроще, натянул на голову бейсболку, скрывавшую лицо, надел темные очки и отправился единиться с народом.

На Дурасовскую площадь с нескольких сторон стекались толпы народа. С транспарантов пялились жуткие рожи, изображавшие членов Правительства. На прилегающей улице кипел человеческий водоворот – там жгли чучело президента, полиция лениво пыталась воспрепятствовать этому. Сумасшедший призывал небесные кары на власти:

– Я потомок Николая Второго! Чую бесов в Кремле.

С площади доносились пламенные речи. Если очистить их от стилистических изысков, они звучали в стиле Гека Фина, вспоминавшего о своем папаше-алкоголике:

«Папаша, как напьется, вечно ругал правительство. Это разве правительство? – говорил он».

На трибуне материализовалась поп-дива с развязными замашками и репутацией вокзальной шлюхи, в мини-юбке, с глубоким декольте, и начала бойко вещать о свободе и «разве это правительство?».

Стоящая у трибуны под флагами Русской империи сплоченная группа националистов заскандировала хором:

– Про-сти-тут-ка. Про-сти-тут-ка.

Группа хоруговеносцев схлестнулась с профессиональными гомосексуалистами, неутомимыми поборниками прав сексуальных меньшинств – последние были как на подбор атлетического телосложения, что еще раз подтверждало: дефект не в теле, а в мозгах. Дискуссия плавно переходила в мордобой, и в толпу клином вошла группа омоновцев.

Меня все это не интересовало. Я смотрел в спину неуклюжего парня в просторной футболке с надписью «Россия, вперед!», походкой и телосложением напоминавшего жирного пингвина. Он двигался по узкой улочке через толпу по направлению к площади. Перед собой держал аккуратно, как ночной горшок, толстую стопку брошюр. И мне эта стопка очень не нравилась.

На подходах к площади стояли полицейские автобусы, выстроились шеренги омоновцев и солдат внутренних войск.

Перед строем молоденьких солдатиков в милицейской форме под присмотром телекамеры какой-то телекомпании нахальная девка читала ликбез о Конституции, выборах и вопиющем нарушении прав человека. За всех отбрехивался

старший лейтенант:

- Мы служим Конституции и закону.
- И сами нарушаете!
- Я об этом ничего не знаю. Пока закон нарушаете вы.
- Какую статью Конституции я нарушаю?
- Вы нарушаете правила проведения митингов.
- Снимай это, четче... Представьтесь.
- Девушка, проходите.
- Закон о полиции. Представиться отказался. Ну что ж.

Старлею очень хотелось бросить команду «фас», чтобы эту полусумасшедшую провокаторшу его подчиненные порвали на части и сожрали без соли. Но он вынужден был с каменным лицом выслушивать всю эту околесицу.

Проходящих через бублики металлодетекторов полицейские проверяли выборочно – отдельных персонажей заставляли вытряхивать сумки. Досматривать всех сплошняком при таком скоплении народа нереально.

«Пингвин» перед бубликами неожиданно обернулся и двинулся в сторону переулка. Прошел метров триста и остановился, над чем-то раздумывая. Было видно, что он на нервах.

Этот клоун и был тем самым взрывником-маньяком по кличке Глицерин. Он снимал квартиру на улице Зорге.

Его телефон поставили на прослушку. Разговоры были ни о чем. За политику, за компьютеры и за жизнь. Еще он заказывал какие-то химикаты и обменивался ими. А вчера гу-

стой грубый голос сообщил:

– Завтра бенефис, Глиц. Ты готов?

– Готов, готов.

– Смотри. Для нас это очень важно.

Роб и Шатун осуществляли за объектом наблюдение.

Когда меня почти четыре года назад подтянул на сотрудничество Куратор, я кинул клич, собрал моих бывших бойцов во Владимире и обрисовал ситуацию.

– В горах работали. И город отработаем, – не колеблясь согласился Роб идти со мной дальше.

– Лишь бы на пользу шло, – кивнул Шатун.

Мамонт и Гром отказались. У них семьи. Им было что терять.

– Те, кто отказывается защищать чужие семьи, рискуют своей, – сказал напоследок Роб.

Роб и Шатун стали надежным ядром моей группы контр-террора. В наблюдении они толк знали. Если Роб был просто квалифицированным наблюдателем, то Шатун являлся разведчиком от Бога. Он умел растворяться на местности, будь то хоть город, хоть лес, хоть солончаки, сбросить его с «хвоста» было нереально.

Таскали они Глица аккуратненько, с учетом того, что они не единственные, кто может за ним следить. Но других топтунов не засекали.

Глиц эти дни ни с кем не встречался. Мудрил дома с какими-то емкостями и колбами.

– Кажется, делает взрывчатку, – предположил Роб.

А потом грянул этот митинг. Объект засуетился. Покинул логово. Устремился в центр Москвы.

И вот теперь он постоял с минуту и дернулся в сторону толпы. Я взял мобильник, работающий сейчас в режиме рации:

– Роб, прикажи полицейским досмотреть объект. Пусть отведут в скверик, к арке. И не больше двух человек. Остальные пускай отвернутся и не слишком усердствуют.

– Понял.

Я видел, как Роб подошел к полицейским, деловито махнул документом прикрытия – ксивой «ФСБ России». И сержант с прапорщиком ринулись к Глицерину.

Я напрягся в ожидании, что сейчас рванет взрывное устройство. Но обошлось.

Пухленького экстремиста отвели в сторону, к вытоптанному газончику у арки двухэтажного дома. Я подошел так близко, что мог слышать разговор.

– Что у вас в руках? – спросил прапорщик.

– Книги. Я оппозиционер. Как в любом цивилизованном обществе могу распространять литературу.

Прапорщик потянулся к пачке книг.

– Вы не имеете права! – взвизгнул Глицерин.

Прапорщик вырвал у него пачку, взвесил в руке и отметил:

– Тяжеловато.

– Осторожнее, – прошипел Глицерин. – Сейчас...

– Что?

Глицерин сдулся. Но вдруг расправил плечи и истошно завизжал:

– Полицай беспредельничают! Спасайте!

Толпа, которая текла мимо, заволновалась. Несколько человек дернулись к месту разборки.

Глицерин рванулся, но сержант схватил его за шиворот, сграбастал в охапку и обрушил увесистое тело на асфальт.

– Помогите! Полицай убивают!!!

В толпе уже сформировалась группа поддержки из молодых ребят и истеричных теток с плакатами. Полицейские подтянулись, перегораживая им дорогу.

Прапорщик начал развязывать стопку.

– Да осторожнее, – прохрипел Глицерин.

Полицейский что-то понял, потянулся за рацией.

Возбужденные демонстранты напирали:

– За что парня бьете!

– Псы цепные!

– Прошу не нарушать порядок и не препятствовать работе! – убеждал полицейский майор, сдерживающий толпу.

Сержант рывком помог подняться Глицерину и завел ему руку за спину.

Пора!

Я стремительно рванулся вперед, плечом сшиб прапорщика. Подсечка – сержант тоже на асфальте.

– Быстрей, Глиц, быстрей! – Я рванул за руку «пингвина». Эти места я знал хорошо.

Через арку трехэтажного желтого дома девятнадцатого века мы вбежали в тесный дворик, заваленный коробками и мусором, – тут планировался капремонт. Вон дверь подъезда, через него можно выскочить в соседний дворик и углубиться в местные катакомбы так, что ни одна легава след не удержит.

– Шевелись, малахольный! – Я подтолкнул Глицерина.

Дверь открыта. Мы заскочили в подъезд. Я заблокировал дверь удачно повернувшейся шваброй. Теперь на второй этаж. Окно на козырек выбито.

– Лезь!

– Я... – заблеял Глицерин.

– Лезь, индюк!.. Теперь прыгай!

– Ноги ломаю!

– Полицаи тебе все равно их оторвут. Прыгай!

И он прыгнул. Ничего не повредил – внизу оказалась кучка песка.

Дальше мы преодолели переулок, пару двориков.

– Майку переодень, навыворот! – велел я, остановившись.

– Я... Я... – Глицерин тщетно пытался перевести дыхание. У него был вид человека, твердо решившего скончаться на месте.

– Быстрей!

Глицерин стянул майку, обнажив жирное, в складках бе-

лое тело. И натянул наизнанку майку – похабно, но сгодится. Главное, не видно приметной надписи.

Мы добрались до метро. В переходе торговали по дешевке разными шмотками, и я купил Глицерину майку с надписью «Я люблю пиво и раков», а себе – с изображением медведя в ушанке. Смотрелись мы теперь колоритно.

Вышли на станции «Кожуховская», где вечное столпотворение рядом с рынком запчастей. Глицерин остановился, упрямо набычился.

– Ты кто? – Глаза у него были испуганные и слегка безумные. – Ты зачем меня вытянул?

– Ты чего, не помнишь?

– Нет! – визгливо воскликнул Глицерин.

– Что-то ты какой-то... – Я покачал головой, сооротив презрительную мину.

– Какой?

– Да никакой. Голодный, потрепанный, злой. Пошли, горло смочим, – кивнул я на пивной бар. – Стресс надо залить.

– С деньгами не очень, – потупился Глицерин.

– У идейных всегда не очень с деньгами. Угощаю.

В кафешке класса «забегаловка вульгарис» мы устроились в уголке. В зале было многолюдно и шумно. Пиво принесли сразу.

– Ты совсем опух, Глиц? – процедил я. – Мы с тобой у Паука тусили.

Мы действительно встречались у некоего авторитетного

деятеля по кличке Паук. Глицерин меня помнил плохо. Я его помнил хорошо. Я вообще много чего помню. Память у меня феноменальная. В ней держатся бесчисленные Абдулвалиды и Хаттабы, Хамиды и Магомеды, нацики и ваххабиты, гринписовцы и футбольные фанаты – послужной список каждого в любой момент готов был всплыть в моем сознании. Их отношения, семьи, слабости. А также эмиссары и террористы, цэрэушники и представители МИ-6, которые кормили с руки всю эту сволочь. Это моя жизнь, мое жизненное пространство. В этом мире я демон. Невидимая и незримая сила, которая рушит планы и сметает врагов.

– Ну что, забыл? – хмыкнул я. – Ты мне еще что-то там про ядерную войну втирал.

– Про какую войну?

– Что лучше ядерная война, чем это прозябание.

– Я и сейчас так считаю.

– Суров ты, брат. Кстати, я Чак.

– Чак, – прицокнул Глицерин. – Тот самый?... Помню.

– Вот и отлично. – Я поднял кружку. – За неожиданные встречи.

– За встречу. – Глицерин сделал богатырский глоток, и я понял, что одной кружкой мы не обойдемся. На халяву такие захребетники готовы выпить цистерну, бочонок и маленький наперсток.

– Чего у тебя в книгах было? – спросил я.

– Ничего, – насупился Глицерин.

– Свистеть в лесу будешь.

– Так, хлопушка. Звуковое сопровождение митинга.

– Грамм на двести тротила? Угадал?.. И за каким хером?

– Так надо, Чак. Так надо... Или ты девочкой стал, что громких звуков боишься?

– Ты за слова готов ответить, пончик? – Я сжал кружку с таким видом, что готов опустить ему на голову.

– Да не кипятись, – отпрянул Глицерин и с готовностью добавил: – Беру слова обратно.

– Я из-за тебя рисковал. А ты мне что говоришь, чучело огородное?

– Замнем, Чак. Я же извинился.

– Тогда живи. Пока живи.

– Ты-то как? – поспешил перевести разговор Глицерин на другую тему. – При делах?

– С какой целью интересуешься?

– Да ни с какой.

– Это радует. – Я потерял интерес к разговору. – Еще по одной пива – и на боковую. Хрена с тобой тереть.

Опрокинули еще по кружке, закушали сухариками и орешками.

– Значит, ты до сих пор фейерверки мастыришь? – бросил я.

– Ну... В общем... В общем, да.

– Могу тебе заказать хлопушки?

– Можешь. Ты можешь... Потому что ты Чак. И у тебя

репутация.

– Телефон оставь.

– Пиши. – Глиц надиктовал уже знакомый мне номер. Я ответил тем же.

Потом я посмотрел счет, бросил на стол купюры и поднялся со словами:

– Давай, Глиц, не кашляй... И на улицу реже показывайся. Думаю, тебя будут искать.

– А тебя?

– И меня. И помни – подставился я из-за тебя. Так что ты мне должен.

– Слушай, Чак. А если... – Глицерин задумался. Хотел что-то сказать, но так и не собрался.

– Звони, Глиц, – на прощание сказал я. – Пропустим еще по кружечке.

* * *

«КамАЗ» вылетел на встречную полосу на Щелковском шоссе и снес представительский «БМВ» с блатными номерами – тремя семерками.

Шикарная машина вмиг превратилась в уродливую жестянку с запечатанными в ней двумя человеческими телами, из которых уходила жизнь. «Скорая помощь» прибыла через одиннадцать минут и помочь никому не могла.

Водитель «КамАЗа» целехоньким выбрался из кабины и

сел в автомашину «Лада Калина». На сиденье грузовика остались логотип «Альянса действия» и привычное воззвание, позже продублированное в Интернете: «Не стало еще одного пса воровского режима».

Этим самым псом был начальник управления по борьбе с организованной преступностью и экстремизмом МВД России генерал-лейтенант полиции Свальнев.

Через день взорвали машину вице-губернатора Смоленской области, когда тот собрался в деревню к родителям. В области народ его уважал как своего в доску, не засланного, не коррупционера – редкий тип народного чиновника. Похороны вылились в митинг против террора, который попытались оседлать представители оппозиции, но были с позором изгнаны.

– Вы пособники бандитов! Вас надо отправить лес рубить, сучьи дети! – кричал на митинге оратор из работяг, когда его коллеги пинками гнали толпу «синеленточников», среди которых по гламурным одежкам угадывались московские эмиссары.

В кабинете на проспекте Вернадского совещалось руководство «НК». Отсутствовал только бывший альфовец генерал Юрасин.

Атмосфера была тяжелая. Тучи, сгустившиеся над страной, не обошли и этот кабинет.

– Думаю, нет необходимости напоминать о сложившейся ситуации. – Генерал Панасенко сдерживался, чтобы не ввер-

нуть крепкое словцо. – За последние две недели семнадцать терактов. Все идет по нарастающей, худшие прогнозы подтверждаются.

– А жертвы? – произнес Куратор. – Есть хоть какая-то система?

– Никакой! Лупят по площадям. Бьют по гос-аппарату, борются с «чиновниками-эксплуататорами». Мол, чтобы ни один оккупант не чувствовал себя спокойно. Действуют безнаказанно.

– Один теракт предотвращен, – вставил словечко Гаврилов.

– Вы имеете в виду того бомбиста в Москве? – приподнял бровь генерал.

– Он пытался пронести самодельное взрывное устройство, эквивалентное двумстам граммам тротила, на митинг на Дурасовской.

– И где сейчас этот взрывник?

– Упустили сотрудники полиции.

– Зачем тогда мы ставим на каждом квадратном метре по держиморде? Как он ушел?

– Его страховали, – пояснил Гаврилов.

Куратор хотел вставить, что работа ведется, и это усилиями его людей удалось предотвратить теракт. Но что-то остановило его.

– Теперь мы уже не сомневаемся, что события и дальше будут идти по нарастающей, – жестко произнес Панасенко. –

И на черта тогда создали ваши сектора?! Где ваши ниндзя?.. Зачем мы тратим народные деньги и нарушаем все мыслимые законы? Чтобы обеспечить государственную безопасность. Расшифровываю – безопасность государства. Не чиновников, не дворника тетю Машу. А государства. Это высшая ценность. Потому что без государства не будет ни чиновника, ни тети Маши. Ни нас.

– У нашей службы немалые заслуги, – произнес Гаврилов.

Он был прав. За «НК» длинная череда предотвращенных терактов, уничтоженных рядовых террористов, лидеров террористических групп и полевых командиров, а также случайно попавшихся под горячую руку граждан – куда ж без этого. Группы контр-террора прекрасно зарекомендовали себя и на Кавказе, и в регионах. Сейчас же начали буксовать в столице, в самом сердце России, когда они были больше всего нужны.

– Прошлое в прошлом, – отрезал Панасенко. – А будущее... Покажите, на что способны.

Тут в кабинете будто стало теснее – в нем возникла громада бывшего альфовца генерал-майора Юрасина. Он вошел энергичным, бодрым шагом. Поздоровался четко, по-военному:

– Здравия желаю. Прошу прощения за опоздание.

– Причины уважительные? – сухо осведомился Панасенко.

– Мы нашли базу «Альянса» в Подмосковье. Там склад оружия. Боевики готовятся к акциям. Сегодня ночью и на-

кроем.

Куратор испытал мимолетный укол ревности. Почему не его ребята вышли на них? Но тут же это чувство ушло. Его захватил привычный азарт охотничьей собаки, вышедшей на след.

– Будьте осторожны при проведении захвата, – напутствовал Панасенко.

– Не подведем. – Юрасин сжал кулачище.

– Сами вперед не лезьте, знаю я вас. Постарайтесь хоть кого-то взять живым.

– Не соскочат, мазурики. – Юрасин рубанул ладонью...

* * *

Операция была подготовлена с размахом. В высоте парил невидимый взгляду беспилотник, передававший в режиме онлайн картинки объекта. В трех минутах полета стоял в готовности вертолет Ка-226.

На подходах разведчики незаметно расставили видеокамеры, и теперь в штабной машине на экранах можно было увидеть объект со всех сторон. Окраина поселка в стороне от Подольска, бывший совхоз, чьи земли растащили под коттеджи. Территория за высоким забором, где-то соток тридцать. Двухэтажный коттедж, из красного кирпича, стандартный. По периметру несколько видео-камер. Объект штурма...

– Доложите о готовности? – приказал по рации генерал

Юрасин. В полутьме штабного микроавтобуса он казался глыбой.

– Первая группа – готова, – посыпались доклады.

– Группа прикрытия – готова.

– Воздух – готов.

– Первая – выдвигайтесь, – скомандовал генерал.

По улице поселка двинулся грузовик с глухой будкой и надписью «Газпром-регион». Машина остановилась посреди улицы, не доезжая до объекта. Один из «работяг» вышел с устрашающим устройством, являвшимся газоанализатором, стал что-то замерять.

– Чисто все! – крикнул он, усаживаясь в кабину. – Поехали.

Следующая остановка – у объекта. Опять «работяга» прыгнул на асфальт с газоанализатором наперевес.

– На позиции, – доложили по рации.

– Приготовились все. – Генерал набрал воздух в легкие и отдал приказ, который отдавал не раз и все равно не мог привыкнуть к этому моменту: – Захват!

Из кузова газпромовского грузовика посыпались спецназовцы. Несколько мгновений – забор преодолен, бойцы рассредоточиваются по территории.

Из-за леса вынырнул и завис вертолет.

Из окна дома хлестнула очередь. Пуля ударила в бронжилет спецназовца. Огневую точку тут же заглушили ответным огнем... Взрыв – запертая дверь вылетела. Светошумо-

вые гранаты полетели в окна. Грохот стоял, как в аду.

Спецназовцы проникли в дом.

Тактика отработана. Сначала светозумовая граната «за-ря» летит в комнату. После этого можно заходить и брать всех теплыми, живыми.

Первый этаж. Один пленный... Еще два... Около лестницы спецназовцев обстреляли. Ответный огонь перечертил свинцом грудь стрелявшего.

Еще одна группа проникла на второй этаж через окна. Подставляя друг другу руки и плечи вскарабкались и очутились в комнатах. Там тоже – один пленный... Другой... Защищено!

Подвальные помещения. Еще трое пленных. Один пытался уничтожить какие-то записи, поливал их бензином, но спичку бросить не успел.

– Объект зачищен. У нас потерь нет, один трехсотый, легкий. Среди террористов – двое убитых, остальные живы, – отрапортовал по радиации командир группы – на вид вылитый Терминатор. Снял с головы массивную сферу и вытер рукавом пот.

И вот боевики разложены в ряд в большом парадном зале, где можно закатывать балы. Сюда же стаскивали из комнат и подвалов обширный арсенал. На паркете уже лежали десятков автоматов Калашникова и «Узи», штук двадцать пистолетов, коробки с патронами, ящик с гранатами, брикеты тротила.

– Мощно, – оценил Юрасин, входя в зал. – Молодцы, му-

жики. Хорошо сработали.

Он любил сам идти в числе первых в группах проникновения и жалел, что теперь ему это не по чину. На его счету было немало освобожденных заложников и захваченных террористов. Он отбивал занятые ваххабитами аулы в Дагестане. Брал укрепленные районы в Чечне. И был своеобразной легендой, из тех, кого награждают Золотыми Звездами Героя России закрытыми указами. Настоящий рыцарь спецназа. Бойцам его похвала была бальзамом – они знали ей цену.

Генерал нагнулся над лежащим террористом – мускулистым смуглым красавчиком, не похожим на обычных бычков, которые являются основой любой террористической организации.

– Ну что, Бен Ладен драный. Пришло время отвечать. Кто старший? На кого горбатишься?

– Хоть убей, сучара, – прохрипел красавчик. – Ничего от меня не узнаешь!

– Убьем. Всему свое время. Но сначала ты все расскажешь.

Юрасин отвесил мощную оплеуху, голова задержанного со стуком ударилась о пол.

– Следственно-оперативная группа скоро будет, – доложил «терминатор».

– Этих оформляем для следствия. – Генерал указал на четверых боевиков, умелым взглядом определив шестерок. –

А этих двоих на базу. На приватную беседу.

– Есть. – «Терминатор» кивнул бойцам.

Те нагнулись над отчаянным красавчиком – тот дернулся, но его уgomонили умелым ударом, и клиент превратился в безвольную куклу. Подняли на ноги. Встряхнули.

– Никогда, жалкие вы уродцы, ваша не возьмет, – сообщил почти дружелюбно генерал, приблизившись к красавчику. – Потому что мы в своем праве.

– Возьмет, – переведя сбившееся дыхание, выдавил красавчик, глаза его фанатично зажглись. – Будешь в мокрой камере сидеть. А я тебя буду бить.

Генерал усмехнулся:

– Помечтай, жмурик.

И это были его последние слова в этой жизни.

Чудовищный взрыв расколол здание.

И похоронил под обломками террористов. Бойцов спецназа. И Героя России генерал-майора Виктора Юрасина.

* * *

– Ежедневно в Республике Конго гибнет до трех тысяч человек в межплеменной войне за контроль над месторождениями колумбита-танталита – основного компонента компьютерных микросхем и печатных плат.

– Эпидемия странного психического заболевания в США, унесшая жизни одиннадцати человек, продолжается. Вооб-

ражая себя зомби, больные набрасываются на людей, объедая их мягкие ткани.

– Боевыми вертолетами в Афганистане ошибочно расстреляна свадебная процессия. Правительство США принесло официальные извинения семьям пострадавших.

– Микробиологи полагают, что в течение ближайших десяти лет на Земле появится мутировавший вирус гриппа, который уничтожит более девяноста пяти процентов населения Земли, что будет означать конец цивилизации.

По телевидению эпидемии, войны, террор.

В хомо сапиенсе закодирован злосчастный ген разрушения. Проявляется он далеко не у всех, но при благоприятных условиях активизируется, заставляя людей без какого-либо смысла и разума уничтожать себе подобных. Алчный огонек власти над чужими жизнями превращает человека в inferнальную сущность, сеющую хаос и разрушение, конечно, под благовидными предлогами. Сила, власть, насилие!

Сколько я видел пораженных этим геном фанатиков. Сколько зла они со мной сотворили. Я все отлично помню.

Помню беззаботное детство в станице Шелковской. И как все пошло прахом, в мою жизнь ворвалось нечто жуткое – ваххабит, пришедший резать неверных. Эти бесы уничтожили мою семью. Сначала дядю – станичного атамана. Потом родителей. Я их очень любил.

От верной смерти меня прятали соседи-чеченцы – пожилая бездетная пара. Они рисковали жизнью. И их самих в

результате увезли куда-то, безвозвратно. Я их тоже любил, они были отважные, добрые люди.

Помню, как бородатые бесы вытащили из подвала меня – озлобившегося русского волчонка. Одному Богу известно, что сделали бы со мной, если бы не ребята на боевых машинах десанта, с лихо заломленными беретами – это был русский батальон ВДВ, обошедший противника и раздавивший нелюдей. На головной машине был комбат дядя Володя.

Прибился в этот батальон я сыном полка. Первую чеченскую войну таскал ушитую сердобольной женщиной-начмедом военную форму и считал себя русским солдатом, пусть и не вышедшим ростом – было мне тогда десять лет.

Батальон вывели из Чечни в Псков. И дядя Володя сказал просто:

– Ну что, сын полка. Один живу. Теперь будем вдвоем.

Он в моей душе навсегда, до сих пор кажется, что мы с ним ведем беседы. Он был прекрасным рассказчиком, философом и настоящим человеком.

Иногда мне кажется, что я в чем-то виноват перед дорогими мне людьми. Что остается мне? Нет, не месть. В память о них я должен гнать нечисть с нашей земли. И никакие блага в мире не свернут меня с этой дороги. Я должен был погибнуть еще тогда, в девяносто пятом, вместе с семьей, от пуль ваххабитов. Но я жив... И готов оплачивать свой долг по самым высоким ставкам, даже жизнью.

От невеселых мыслей отвлек переливчатый сигнал смарт-

фона. Куратор сбросил приказ на немедленную встречу.

Когда я приехал на кукушку, Куратор был на месте. Мрачнее тучи, на меня он смотрел с каким-то злым укором:

– Слышал о последнем теракте?

– Мельком, – я уселся в кресло. – Что-то невнятное.

– Смотри. – Он загрузил на ноутбуке видеофайл. – Снято с беспилотника.

Цветное изображение – вид с высоты на окруженный лесами и рассеченный дорогами поселок. На быстром просмотре видно, как к огороженной территории подкатывает грузовая машина. Штурм. Потом к месту съезжаются легковые автомашины и фургоны.

– Внимание. – Куратор переключил просмотр на нормальную скорость.

Кирпичный дом на экране поглотило облако, распространяющееся клубами во все стороны.

– Это за гранью, – сказал я. – Они минируют свои базы...

– Ничто не ново под луной, – произнес Куратор. – Наши войска в Великую Отечественную, оставляя города, минировали самые красивые особняки, в которые, по всем расчетам, должны были заселяться высокопоставленные немецкие чины. И когда это происходило, просто подавали сигнал на взрыв. Действовало безотказно.

– Какие жертвы?

– Восемь боевиков, семь офицеров спецназа ФСБ.

– Бандиты разменяли своих по самому высокому курсу.

– Ты не представляешь, насколько высокому. Погиб генерал Юрасин.

– Фамилия знакомая.

– Полгода возглавлял «Альфу». Отличился на Кавказе. Хорошо отличился – кровников нажил немало. Но не это суть важно.

– А что важно?

– Он был одним из соисполнителей протокола нашей организации.

– Объясните.

– Деятельность «НК» определена не приказами, инструкциями и законами. Единственный документ – специальный протокол. Соисполнитель протокола отвечает за свой сектор и принимает любое решение самостоятельно. До членов протокола доводит ту информацию, какую считает необходимой. Обрубаются таким образом возможные каналы утечки. При этом состав групп контртеррора известен только непосредственным кураторам.

– Теперь соисполнитель погиб. Что будет с его агентурой?

– Руководство перейдет к его заместителю. Но наверняка будут потери позиций, потому что заместитель тоже не в курсе многих вещей.

– Что по террористам, которые там были?

– Удалось установить личности двоих мерзавцев. Один – функционер боевого крыла леворадикальной партии. В Воюлоге три года назад соскочил с обвинения в убийстве. Вто-

рой – студент, из экстремистской ячейки. Год назад они отстранились от своих товарищей. Где, с кем были – покрыто мраком.

– Что странно. Такие ресурсы потрачены на минирование базы. Зачем?

– Технари утверждают, что в здании работала видеокамера, сбрасывающая информацию на монитор по оптоволоконному кабелю. Террористы знали, что при захвате спецназ включает глушилки и отрубает мобильную связь.

– Получается, их командиры ждали захвата. И хотели посмотреть, что будет на базе после него? Тогда они подставили под нас своих бойцов!

– Бойцов? Несколько студентов и гопников – их спишут в расход и не вспомнят о них.

– Цель? – спросил я. – Накрыть опергруппу? Заявить о себе?

– Боюсь, что цель была иная.

– Какая?

– Генерал Юрасин.

– Это значит...

– Возможно, это протечка. Протекает информация об «НК». Тогда наше существование и методы работы уже не секрет.

– И нам объявлена война.

– На уничтожение.

Столбик термометра достиг тридцати пяти градусов. Задымились торфяники, ветра гнали гарь и дым на Москву. Казалось, хуже уже быть не может. Это Сахара.

Потом хлынули ливни. Температура не думала падать, и в Москву пришли тропики – натуральный период дождей где-нибудь во Вьетнаме.

– Меры Киотского протокола об ограничении выбросов углекислого газа в атмосферу явно недостаточны, – вещали в СМИ счастливые эксперты-экологи, впадавшие в радостный экстаз, когда самые мрачные их прогнозы оправдывались. – Парниковый эффект может повлечь скачкообразное увеличение температуры и гибель всего живого. Тогда наша планета станет похожей на Венеру, где температура на поверхности достигает пятисот градусов. Необходимы радикальные меры по ограничению промышленной активности человечества.

Москвичей терзала жара. Цены на кондиционеры взмыли вверх, вентиляторы расхватали.

Жара испытывала на прочность не только обывателей, но и пламенных борцов. Митинговая активность падала – бесплатно гулять в таком пекле дураков нет, и цены за подобные услуги резко выросли. Политические битвы переместились в Интернет и СМИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.